

АПОКРИФ

ЕВАНГЕЛИЕ
И АПОКАЛИПСИС
ОТ
ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА

ДВА БЕСТСЕЛЛЕРА
В ОДНОЙ КНИГЕ!

Владимир Рудольфович Соловьев

Апокриф

Серия «Соловьев Владимир:

Провокационные книги»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21240161

Апокриф: Э; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-88130-7

Аннотация

Что будет, если на улице современного города появится некто, кто уверен, что он – мессия, реинкарнация Иисуса Христа? И что произойдет, если его апостолами станут известный тележурналист и глава всемирной компьютерной корпорации, самый богатый человек на земле? Кто станет под знамена нового Спасителя? А кто откажется принимать на веру новую благую весть?.. «Евангелие» и «Апокалипсис» – пожалуй, самые противоречивые и непростые книги Владимира Соловьева. На фоне фантастических декораций, политической и религиозной сатиры автор размышляет о том, какое будущее ждет всех нас, какая судьба уготована нашему миру и какая большая ответственность за будущее всего человечества лежит на каждом его представителе. Эта книга – возможность для каждого читателя

задуматься о том, кто или что спасет наш мир и осталось ли в нем сегодня место для вечных истин.

Содержание

Евангелие от Соловьева	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	52
Глава 10	56
Глава 11	63
Глава 12	68
Глава 13	75
Глава 14	78
Глава 15	87
Глава 16	93
Глава 17	102
Глава 18	107
Глава 19	113
Глава 20	126
Глава 21	130
Глава 22	137

Глава 23	144
Глава 24	148
Глава 25	154
Глава 26	160
Глава 27	167
Глава 28	172
Глава 29	189
Конец ознакомительного фрагмента.	195

Владимир Соловьев

Апокриф

© Соловьев В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Евангелие от Соловьева

Глава 1

– Почему вы улыбаетесь? Вас радует, что я священник?

Вопрос обращен ко мне. Улыбка ушла. Как объяснить человеку в рясе, стоящему у здания Государственной думы в самом центре Москвы, что я всегда пытаюсь улыбаться идущим навстречу, да и ввязываться в дискуссию не было времени. Я опаздывал на встречу и не хотел заставлять себя ждать.

– Нет. Но мне приятно видеть человека, служащего Богу.

– А вы сами верите?

– Верую. Это длинная история. Обычно мои воззрения навевают на священников уныние.

– Так вы не христианин?

Начинается... Сейчас очередной ряженный начнет проповедовать. И на его угреватом лице расцветут алые пятна религиозного экстаза. Как я устал от их убежденности и от дурного образования...

– Христианин, но принять могу не все. Видите ли, я еврей и тяготею к лукавому мудрствованию... Еле выговорил... И вообще христианство – это наш внутренний еврейский вопрос. Шутка. Не падайте в обморок!

– Не упаду. Я тоже еврей. Да и Он, как вы понимаете. Хотя

что я вам рассказываю... Сами скоро увидите, очень скоро.

На лице священника появилась блаженная улыбка, и, от-
вернувшись от меня, он зашел в сторону Большого теат-
ра.

Убежденность данного экспоната заинтриговала. Но...
Меня ждет государственный муж. А общение с подобными
людьми всегда радуется предвкушением финансовых потоков
из их карманов в мои. И мало ли странного на улицах Моск-
вы... Бог даст, потом все пойму.

Парадный подъезд, тяжелая дверь, охрана, лестница, вто-
рой этаж.

– Добрый день, как дела?

– Спасибо, а у вас?

– Порядок.

И улыбаться. Узнают! Приятно. Спасибо радио плюс ТВ.

Приемная, секретарь, строгая улыбка.

– Владимир, Борис Ефимович уже несколько раз о вас
спрашивал.

– Виноват, грешен, каюсь. – Стучу, дверь на себя.

– Володь, у тебя совесть есть? Хотя раз можешь прийти
вовремя?

– Извини, Борис Ефимович. Чудной поп стал обращать
меня в истинную веру прямо у дверей Думы. Еле отбился.

– У меня и так весь график летит, а тут гении генетики го-

лову забили своими байками... Говоришь, поп чудной... Ты бы на этих красавцев полюбовался... Представляешь, оказывается, овечка Долли, да и вообще всё, что они там, на Западе, с клонированием вытворяют, – просто детский сад.

Наши умельцы раскручивали эту тему еще с конца шестидесятых. С животными прошло гладко, и они решили клонировать людей. Конечно, задача номер один – дедушка Ленин и все гении по порядку. Так что с финансированием никаких проблем. Но решили начать ни много ни мало с Христа. Логика, конечно, в этом есть: в случае провала – плюс к антирелигиозной пропаганде. Штирлицы в Италии расстарались и добыли генетический материал с Туринской плащаницы. Что и кого они там делали, не знаю, деды особенно и не распространялись – старая школа, – но оплодотворить им кого-то удалось.

Ясно, что начинали с политически грамотных и классово близких... Но не срасталось. Пришлось методом проб и ошибок остановиться на молоденькой еврейской девушке. Она-то единственная и родила. А дальше как водится: Расея. Девчонка с ребенком, не будь дурой, с первой волной еврейской эмиграции отправляется на историческую Родину, и след ее теряется. Такая вот история!

– Забавно. А чего деды сейчас хотят?

– Денег и помощи. К ним обратились какие-то религиозные фанатики из Штатов с идеей клонировать Христа. Наши опасаются проворонить шанс заработать, да и прославиться.

Но все же они с допусками и грифом СС через всю биографию, вот и хотят заручиться поддержкой государства во избежание проблем.

– Н-да, прямо сценарий... Не забивай себе голову, сейчас и так проблем много. На этой теме не выиграть, будешь выглядеть по крайней мере странно. Страна – сам знаешь, чем живет, а ты в фантастику вдарился... А от меня-то чего хотел?

– Так ведь выборы в регионах. У нас планов громадье, а от вас, телевизионщиков, содействия ноль. Надо бы поддержать здоровые начинания. Помог бы парой передач и съездил бы со мной в регионы... Там же ребята дикие, а ты хоть пособишь грамотно снять. Об условиях договоримся.

– Идея хорошая. Я не против. Но не сейчас. Вот из Штатов вернусь через пару недель – и конкретно обсудим.

– А чего в Штаты?

– Да автомобильная выставка, спонсоры платят, а я до машин и гамбургеров большой охотник.

Глава 2

Давно хотелось в США. Мечта идиота: номер в гостинице, пицца и полдюжины пива, пол усеян пакетами покупок. Лежишь себе на гигантской койке и скользишь по бесчисленным каналам ТВ.

Народ всюду вежливый, цены детские, на каждом углу ресторан, каждое третье здание – церковь, в них по воскресеньям собирается весь город, если это, конечно, не Нью-Йорк.

Когда-то я преподавал в Штатах. И, наверное, лишь там был счастлив. Тогда у меня была любимая и любящая жена, новорожденная дочь, друзья, надежды, глубокая вера в собственные силы. За прошедшие годы многое изменилось. И сам я стал килограммов на сорок взрослее.

Утро началось с обычной суеты. Побросать вещички в чемодан, упаковать ноутбук, проверить паспорт, билеты, деньги, кредитные карты, присесть на дорожку. Закрыть глаза, глубокий вдох, выдох. На несколько дней одна суета сменит другую – прекрасный отдых.

Тяжело прошла ночь, а чудной поп не уходит из памяти. Как он сказал: «Сами скоро увидите»? Странно, что он имел в виду? Неужели пора готовиться к встрече с Создателем?

Нет, не то чтобы я против, точнее, вряд ли это зависит от меня, но не хотелось бы огорчать как членов семьи, так и многих предсказывавших судьбу. Мне ведь до напророченного рубежа «восемьдесят» лет сорок...

Подойду к окну, закрою глаза, три раза через правое плечо во имя Иисуса Христа перекреститься.

Неведомая сила, лететь мне или нет? Сильно качнуло к окну. Лететь.

Конечно, все это суеверия, но в моем случае всегда работает. Этому ритуалу меня научила экстрасенс из Крылатского в 1995-м. И с тех пор не принимаю ответственных решений, не посоветовавшись с высшими силами. А уж силы то добра или зла, неведомо.

Мне не часто гадают по руке, по картам и составляют гороскопы. И каждый раз этот занятный люд как-то странно смотрит и словно чего-то недоговаривает или не может понять. Сходятся на мистическом предназначении и прочем модном в смутные времена бреде. Впрочем, я и правда всегда предчувствую неприятности. Как говорит мудрая мама: «Господь, пугай, но не наказывай». Действительно, надо научиться слышать звоночки судьбы и понимать, что они предшествуют несчастьям.

Что так на душе тревожно... Устал? Ладно, полет долгий, времени хватит – разберусь с чувствами и мыслями.

Пора выезжать. Куплю на полет какую-нибудь книжечку и очнусь уже в Штатах – красота.

Почему все оказывается не так, как планируешь? В ларьках, кроме макулатуры, ничего нет. Глаз остановить не на чем. Обидно. Ладно, давайте газету.

Ну вот, сразу на развороте – Русская православная церковь осуждает идею клонирования Христа, с которой выступили религиозные учреждения США. Понимаю, почему бы и не осудить... Чай, не торговля акцизными товарами и не банковская деятельность ряда церковных деятелей – можно и осудить.

Не люблю я их. Нет у меня им веры – лоснящиеся сытые попы разъезжают на дорогих иномарках и курят дорогие сигареты. Как такому можно верить! Ни любви, ни скромности. Да и единобожия никакого, икон море, каждому святому своя молитва, по своему поводу: денег надо – направо, чтобы девчонки любили – наверное, налево...

Бред... Ведь сказано в Евангелии, как молиться и кому... А, что о них... Горбатого могила исправит – люди занимаются бизнесом, каково общество, таковы и они.

Совсем не могу назвать себя набожным. Но государственный атеизм моей молодости был уж настолько невежественным и косноязычным, а тревога Мастера и Маргариты столь волнующей, что хотелось верить в Бога, – и возалкал он пи-

щи духовной!

Набор интеллигентного еврейского юноши – Евангелие, избранные места из Ветхого Завета, первые страниц двадцать, Екклесиаст, Песнь Песней, Притчи, – и можно производить впечатление на девочек и хмуро витийствовать.

Увлёкся. Так можно прозевать рейс, а ещё есть маленькое дельце к начальнику смены.

Весь мир не любит полных людей. Это заговор тощих. Здоровый образ жизни, диеты, тайские таблетки для похудения и прочую чепуху придумали мудрецы из авиационных компаний. Допускаю мысль, что не только они. Однако их выгода очевидна – в салон вмещается больше кресел. А уж факт, что красавцу за центнер в эту скорлупку никак не забраться, их не смущает. Дескать, сам виноват, зачем расцвел! Но у меня есть секретный план – подпорчу им экономику...

– Здравствуйте, ваши высокие благородия! Помогите бедному журналисту...

– О, как складно излагаешь!

На лице рыхлого гражданина лет тридцати пяти появилась улыбка. Его напарник, уткнувшись носом в рацию, произносил несвязанные слова, кем-то далеким принимавшиеся за команды.

– Сто двадцать пятый борт двоих в эконом на посад-

ку... – Подняв на меня глаза и глядя в коронку третьего коренного зуба через мои сомкнутые губы, он обреченно произнес: – Излагай.

– Лечу в страну победившего капитализма, что радует их, но экономклассом, что огорчает меня. Предлагаю пересмотреть итоги приватизации прямо здесь и сейчас путем обмена портрета мертвого президента на повышение класса.

– Президентов было много, – философски заметил непеченный аэрофлотовец, – не все нас радуют.

Франклин порадовал. Спасибо вам, товарищ чужой президент, за все и за особую похожесть на Михайлу Ломоносова, чем и объясняется столь глубокая любовь к вашим изображениям на нашей Родине, и от меня лично – за возможность чуть-чуть побаловать себя за счет хозяев «Аэрофлота».

Таможня – зеленый коридор.

– Валюта есть?

– Есть. Но меньше, чем хотелось.

– Проходи.

Регистрация, паспортный контроль, пустое томление зоны отчуждения, гейт-контроль, посадка, место.

Здрасьте-здрасьте – как, и вы? – да вот так, ненадолго, по делам практически – ах-ха-ха, ох-хо-хо...

Закинуть сумку, пристегнуть ремень, закрыть глаза.

Что же меня гложет изнутри? Спокойствия нет, живу, не давая себе паузы на размышление, боюсь остановиться – незачем и не с кем. Промежуточный финиш показал душе-раздирающий итог. Жена в результате недолгой совместной жизни осознала и укрепилась в чувстве к другому, и я перешел в категорию «экс» и к проживанию на даче за пределами МКАД. Дети растут, видя отца в основном по телевизору. Дело, которому отдал десять лет, превратилось в хобби, высасываю все деньги и еще оставляю долги. Если бы не мама и обязательства перед отпрысками, вышел бы из окна посчитать этажи примерно с пятнадцатого вниз.

Господи, тоска-то какая! А я еще не выпиваю – не берет. Спорадическое бонвиванство, замешенное на донжуанстве, тешит фрагменты плоти и не засоряет памяти.

Скотина какая-то! Зачем все это? Неужели такова цена успеха в СМИ – народная любовь выжигает личную жизнь? Тошно. И выражение лица у меня становится профессиональным при беседе с согражданами, и мозг не включается. Говорю, а сам из тельца выхожу и любуюсь сверху на происходящее, вроде я – и не я. Видно, у меня осталась-таки душа – она и рвется наружу, не вмоготу ей со мной.

Главное – не сорваться. Омерзительное зрелище, когда широченный мужик начинает боевой танец с криками и угрозами. Роста мне недодано, но нокаутирующий удар и резкость восполнили этот пробел, а лет двадцать увлечения мордобоем превратили критические ситуации в обыденные.

Порой их не хватает, кулаки начинают чесаться и...

О чем это я? В голову лезет разнообразная чушь, сорок лет, а ума не нажил. Своя боль – не чужая, болит. Пора бы и повзрослеть, гнать надо такие мысли.

Лучше посмотрю, что у меня в портфеле.

В портфеле полно всякой всячины. Неудивительно, все свое ношу с собой: ноутбук, телефоны, зарядные устройства, портмоне, документы, билеты, бумажечки с накорябанными телефонами, зачастую без имен, выбрасывать жалко, да и неловко перед их обладателями, вдруг вспомню. Если порыться, можно и черта отыскать – какие-то сувениры, фотографии, ручки, долларовые купюры, старые проездные документы (обожаю канцелярскую формулировку), брошюры... Ну вот, «Сатанизм и евреи». Даже открывать не буду, наверняка белиберда. Еще один несостоявшийся гений, во всех своих бедах уличающий евреев.

Что им всем евреи покоя не дают? Всё заговоры мерещатся... Полудурки, пережевывают еврейские идеи и поклоняются еврейским богам, а потом на евреев же и лают. Не понимаю, ну, поклонялись бы Одину или Амону-Ра, а может, и огненному Яриле, и не было бы к ним вопросов. Тогда бы их ненависть к евреям была неприязнью к чуждому мировоззрению. Но нет же, надо упертым антисемитам, прикрываясь христианством, мусульманством или коммунизмом, выставать себя на посмеище, переписывая историю и придумывая новые родословные, забывая, что и Ветхий Завет, и Но-

вый написаны не на русском, арабском или английском, а на родном для очень нелюбимых и изредка носатых гордых победителей всех своих врагов.

Против истины заклинания не действуют. Судите сами.

Марксизм. Вы меня, конечно, очень извините, но у товарища Маркса неувязочка с родословной. Он, понимаете ли, чуть-чуть еврей. Как и многие другие идеологи – воплоители-расхитители-растлители-погубители-спасители.

Мусульманство. Братья мои, что же вы такие наивные... Ведь сказал вам пророк Магомет: «Пусть славится в веках имя Его, я вам принес законы Моисеевы...» А тот, извините, был насквозь пархат, до последнего атома. И если Моисея назвать Муссой и Иисуса Иссой, они от этого ваххабитами не станут, а как были, так и останутся евреями.

Христианство. Ой, можно сейчас же ставить многоточие и задавать лукавые вопросы. А, простите, мама у Спасителя кто будет? А апостолы, мы, конечно, прощения просим, чьих будут? И не надо так сразу обижаться, Бог-то к какому народу пришел? И где в Библии хоть слово о великих славянах, немцах, ненцах, американцах, фиганцах, и прочая, прочая, прочая? Нет там этого! Так что – не почто вы, жида, нашего Христа распяли, а почто не вашего, а нашего распяли – не мы, а римляне, итить их мать? А мы бы и распинать не стали, не в традиции, мы бы камешками закидали. Ой, мама, сидите на кухне, жарьте себе рыбу. И вообще – геть от нашего внутреннего еврейского вопроса...

Так думал молодой повеса, летя... Вот великий эфиоп,
все предвидел, все предугадал.

Глава 3

Детройт мне не понравился – грубый памятник тщеславию автомобильных магнатов. Заброшенные фабрики. Пустые глазницы обшарпанных небоскребов центра города. Угрюмые лица горожан. Хорошенькое место для выставки, нечего сказать, всего парочка приличных ресторанов, да и то от гостиницы полдня добираться.

Одним словом – город контрастов. А может, все и не так плохо, просто с погодой не повезло. Пасмурно, сыро, вот негры и насупились – мерзнут, гены-то у них не эскимосские.

Гостиница не предвещала ничего хорошего. Этажей немарено, но понять, какой лифт куда везет, невозможно. Понаставили кучу цилиндров и хихикают над твоими потугами сориентироваться на чуждой местности.

Зато номер воплощает Америку: кровать размером с Великие озера, телевизор, старинный телефон и Библия в тумбочке у изголовья постели.

Посмотрим в ящиках. Путеводители, «Желтые страницы»... Листовка. Неужто всех призывают на маевку? Ффу-у-у-у, отлегло от сердца – всего лишь новая Церковь очередного Великого Черного Брата зовет в свое лоно с пяти до семи каждый день. В программе – разгон облаков, излечение

страждущих, сбор пожертвований, песнопения и т. п. Забавно.

Стук в дверь.

– Кого Бог послал?

– Это я, Олег, – отозвался знакомец-журналист. – Пойдем пожуюм? С голодухи в животе любимый классик Сергей Михалков на дорожную с детства мелодию Александрова звучит лично все варианты гимна.

– Ты что, вражина, позвонить не мог?

– Не-а... Там же все по-английски написано.

– А как ты пишешь об автомобилях, если на языке потенциального врага даже «хенде хох» сказать не можешь?

– Вот это ты зря... Настолько-то я языки знаю. Это по-немецки. А всякое чтение мне необязательно. Фотки и циферки я и так понимаю.

– Ну-ну, звезда советской журналистики, жди меня у сеновала в полночь.

– Где?

– Да у лифтов через десять минут!

Душ. Постоять, помокнуть, выбивая горячей водой из пор усталость промелькнувших под крылом километров. Счастье-то какое – стоять и мокнуть. И не уходил бы никуда! Пусть Олег остолбенеет, мумифицируется от голода. Ясно ведь, что я нужен ему как толмач и источник американских рублей. Он наверняка абсолютно случайно забудет кошелек

в номере. Ладно, поможем коллеге.

На улице противно, промозгло, можно, разумеется, и не выходить за пределы гостиничного комплекса. Но лучше быть готовым ко всему. Возьму курточку, облачусь в любимый левайс, свитерок, надену декстер шуз. Теперь я неотличим от американца. Ну, разве глаза умные... Ай, молодец, хорошо пошутил! Классическое проявление великорусского шовинизма – мы умнее, образованнее, талантливее, искреннее. Только вот с меткостью у нас проблема – все мимо унитаза, оттого туалеты жуткие. Но ведь культурный индивид о такой плотской низости и думать-то не будет, не то что воду за собой спускать. Великие наследники Достоевского! Одну шестую часть суши засрали, а теперь как тараканы расползаются по наивно выдавшей визы иностранщине и гадят в их чистеньких ватерклозетах и реструмах. Мол, хватит о заднице, о душе пора думать. Пусть пятая точка в свинце от газеты «Правда», но ведь глаза, глаза умные... И от чистого сердца мы посылаем фальшиво улыбающихся иностранных придурков по месту их рождения – к такой-то матери.

Хорошо! Восстановил желчно-саркастичный баланс организма. Можно разделить нужды брата-славянина.

Выходи строиться, голодная журналистская свора! Кому тут еще комиссарского тела?!

У лифтов столпился цвет российской автомобильной журналистики. Цвет был поблекшим, голодным и нетерпеливым. Как малые дети, наконец освободившиеся от надоедливой родительской опеки, хмурые щетинистые отцы семейств, вырвавшиеся из-под контроля жен, жаждали возлияний и действия.

Олег был не один – на хвосте он привел пятерых счастливых англонемых, радостно кивающих головой на меню в ресторане и рассуждающих о недостатках машин, которые они никогда не смогут купить. От этого критика становится более едкой, а обладатели раскритикованных авто видятся воплощением тупости.

– Володь, пойдем куда-нибудь. Ребята тебя просят, помоги с пивком разобраться. Сам знаешь, официанты тут народ тупой, по-русски ни бум-бум, а ты шпрехаешь.

– Нет проблем. А зеленых рублей мы сколько хотим потратить и какой еды просит душа?

– Закусить она просит, и побыстрее. Ну пойдем, не томи!

– Да куда? Жабры залить можно и на халяву, языка знать не надо, шведский стол, а водка да виски на всех языках звучат одинаково...

Ладно, доведу ребят – в каждом из нас живет Сусанин.

– За мной, шляхтичи.

Напрасно я ввязался. Как кони, почуявшие водопой, собратья выбрали направление движения и неотвратно приближались к месту попойки. Их шаг становился все уверен-

ней. Они и не заметили, как я начал отставать. А когда в зоне видимости появилось питейное заведение, ведомые и вовсе перешли на галоп.

Ресторан казался странноватым. В нем угадывался английский дух. Как он очутился в темном квартале умерших небоскребов, понять было сложно. Возле ресторана стояло несколько машин, шла какая-то жизнь. А соседние заведения уже сдались надвигающемуся запустению – витрины забиты картоном, однако великое бездомное братство еще не успело завладеть территорией и раскрасить фасады граффити.

За ребят я был спокоен – это идеальное место для нажирания вусмерть и недалеко до гостиницы, доползут.

Сели, рассупонились, погалдели. Как водится, вдруг вспомнив когда-либо слышанные языки, веселясь непониманию официантов, сами все и заказали. Конечно, «все» – преувеличение. Большинство из страны в страну, из ресторана в ресторан заказывают одно и то же блюдо, когда-то, во время первого пребывания за рубежом, не вызвавшее изжоги и порекомендованное старшим товарищем. Такая традиция питаться только сейчас постепенно уступает место вкусовой распушенности всезнаек-гурманов. И все труднее найти истинных хранителей корней, воспроизводящих самый первый исторический заказ, сделанный на Капри де-

душкой Лениным и поддержанный цветом русской литературы Алексеем Максимовичем Горьким, произнесшим ар-р-р-р-р-р-р-хиважную для его дальнейшей биографии фразу: «Я буду то же, что и Ленин». Побаловался – грешен.

Глава 4

Сижу, смотрю в окно. Недалеко, но рассмотреть хорошо не получается. Скорее угадывается какая-то активность: по той же стороне, что и ресторан, мелькает луч и происходит ритмичное движение теней. Мною овладевает не любопытство, а ощущение предопределенности.

Встаю, выхожу. Шагах в пятидесяти из здания, напоминающего сельский клуб, выбивается свет. У входа несколько человек с листовками пританцовывают под звуки соулов. Прохожу мимо них и попадаю через фойе в почти чистый зал.

Ряды деревянных сидений, самодельный алтарь там, где когда-то была сцена, разобранная и теперь возвышающаяся остовом Ноева ковчега. Небольшая фигурка проповедника. Да это же тот самый Черный Брат – из гостиничной брошюрки! Заметно, он сегодня в ударе-угаре. Время-то уже хорошо к десяти, а разгон облаков должен был состояться в семь. Не жалеют себя люди!

Ну, пришел, так посижу чуток. Вот и местечко на скамеечке недалеко от прохода.

Публика вокруг пристойная, пена изо рта ни у кого не брызжет. Костюмчики, платья. Нельзя сказать, что вокруг одни негры. Много светлокожих всех мастей и оттенков. Все

увлеченно смотрят на сцену, где разворачивается драма исцеления.

Вошедший в раж Черный Брат, произнося евангельские тексты – на мой взгляд, не к месту и неубедительно, – обхватив руками голову стоящего напротив мальчика, приказывает бесам немедленно освободить глаза отрока и вернуть зрение. Он кричит, а мальчик стоически переносит происходящее.

Мне неловко, как будто присутствуешь при мерзком фарсе. Ведь мальчик надеется, и его родители тоже.

Да-да, та же неловкость, что при соучастии в осуждении отщепенцев, уезжающих в Израиль, на комсомольском собрании 10-го класса «А» в школе имени товарища матроса Железняка.

– What an idiot, – это не я сказал, а мой сосед. Вряд ли он слышал про товарища матроса, так что его реплика явно относилась к Черному Брату.

– Year, feel sorry for the boy.

– Можете говорить по-русски.

– Это что же, у меня такой акцент?

– Нет, не в этом дело – просто вижу, что вы русский. Мальчика действительно жалко: он слеп от рождения, и бесы тут ни при чем. У родителей нет денег на лечение, да и вряд ли поможет...

Собеседник говорил по-русски чисто и нараспев. Наверное, мой ровесник или чуть моложе. Семитский тип, лицо

чистое, продолговатое, тонко очерченный нос – заурядная внешность. Чуть прищуренные глаза, руки рабочего, одет, как и все американцы, на сто пятьдесят долларов. От него исходит спокойствие.

– Из эмигрантов?

– Да, конечно. Родился в России, мама уехала в Израиль, когда я был совсем маленьким, но она говорила со мной дома по-русски. В Америке лет двадцать. Мама вышла замуж, и мы все переехали сюда. Они живут в штате Мэн, ее муж рыбачит... А я вот решил пожить самостоятельно.

– Чем занимаетесь?

– Столяр. – Парень сделал паузу и ухмыльнулся своим мыслям. Бросил на меня лукавый взгляд, однозначно указывающий на его семитские корни. – Мне нравится работать с деревом, оно живое. Но в последнее время я все больше вечерами здесь.

– Зачем?

– Люди, пришедшие сюда, верят этому обманщику... Но ведь страдания их истинны. Вот я и стремлюсь облегчить их мучения.

Н-да... Почему-то профессиональный скепсис отказывается. В любом другом случае я бы расплылся саркастической ухмылочкой и уж как минимум отошел от блаженного подальше. Может быть, сказывается усталость от перелета, а может, необычность совпадений.

Тем временем на авансцене бесплодность предпринимаемых попыток стала понятна даже самому Черному Брату. И, продолжая произносить нечленораздельные звуки, он отпустил мальчика, оттолкнув его от себя к проходу между скамейками. ЧБ булькал и кричал, что бесы сильны и мальчик сам бес, посланный подорвать веру в него, великого ЧБ, но что он его раскусил.

Мальчик вел себя странно. На его лице появилась улыбка. Он хоть и неуверенно, но все-таки зашагал к дверям. Родители, сидевшие у дальнего края сцены, хотели было последовать за сыном, но он не звал их. Шаги мальчика постепенно обретали твердость, он шел к нашему ряду, смотря незрячими глазами в лицо моего соседа. У того на устах застыла улыбка, и мальчик улыбался в ответ.

Не доходя нескольких шагов, мальчик протянул руки, и мой сосед поднял руку – ребенок остановился, как будто уперся в стену, и начал оседать, закрыв лицо ладонками. От спокойствия, выраженного на его лице, и беззвучности всего происходящего стало страшно.

Я почувствовал, что время остановилось.

Мальчик не падал – он медленно садился на пол, умиротворенный и счастливый.

Я знал, что будет потом, и мне казалось, что я сплю.

Мой сосед продолжал сидеть, не многое изменилось в его лице. Людям в зале вряд ли было понятно, что совершается. Завывания ЧБ, не прекращавшиеся ни на минуту, вдруг

перестали доходить до ушей. Должно быть, звуки остались только там, в его мире.

Казалось, присутствующие скованы и безвольно взирают на происходящее.

Мальчик сидел на полу, не отнимая ладоней от глаз. От него веяло спокойствием и счастьем.

Вдруг он убрал руки и, улыбаясь, сказал громко и внятно:

– Мама, я вижу!

И все ожило. Люди вновь обрели голоса и радостно выражали восторг. Родители бросились к мальчику, завертелась карусель сопричастности к чуду.

Я не отрываясь смотрел в лицо соседа.

– Как ты это сделал?

– Что – это?

– Я все видел. Ведь это ты вернул ему зрение.

– Они думают по-другому и во всем усматривают заслугу Черного Брата.

Прихожане, превратившиеся в толпу, уже были готовы разобрать ЧБ на сувениры. Они не замечали нас.

Счастливые родители увели мальчика, и мы остались наедине со спинами беснующихся очевидцев, так и не увидевших случившегося.

– Пойдем. Оставим мертвым хоронить своих мертвых.

Глава 5

Мы вышли на улицу.

– Как тебя зовут?

– Мама назвала Даниилом.

– Красиво. Так как ты это сделал?

– Я ничего не делал. Мне очень захотелось помочь мальчику, и все. А как тебя зовут?

– Владимир.

– Властелин мира. Красиво. Это значит, что ты можешь принести людям мир – коли им владеешь, то можешь и принести. Смотри, получится зеркальное отражение Писания: «...не меч принес я вам, а мир».

– Может, ты экстрасенс?

– Не знаю, слово странное. Кто такой экстрасенс? Разве не каждый из нас может им оказаться – матери, принимающие боль детей как собственную и предчувствующие несчастья за тысячи миль, возлюбленные, теряющие покой от пришедшего знания грозящей беды?.. Неправильное это слово, холодное. Творящих чудеса мало, именем Его – и вовсе не найдешь. А остро сопереживающих много.

– Удивительный ты какой-то столяр, и отчим у тебя рыбак. Может, ты плод безгрешного зачатия?

Даниил улыбнулся:

– Я об этом не думал. Про отца мама никогда не расска-

зывала, только говорила, что из России уехала по своей воле, но опасалась за меня, мол, меня хотели отобрать у нее и поместить для наблюдений в какой-то институт. Она решила не отдавать меня. Но сам я отношусь к этому спокойно. Не то чтобы сомневаюсь, но не особо задумываюсь. В Израиль мама уезжала спасать меня. Там оказалось несладко: мама была совсем молодой, без профессии, да еще я на руках. Хорошо, что повстречался Иосиф, он гораздо старше мамы, но очень добрый и праведный человек.

– Можешь не продолжать. У меня есть мысль... Настолько крамольная, что высказывать ее пока не стану в связи с очевидностью совпадений. Ты где здесь живешь?

– За меня не волнуйся, у меня все хорошо – я живу там, где захочу, я богат.

– Деньги?

– Ты не о том думаешь, Владимир. Оставь все и иди за мной. Чувствую, ты этого хочешь. Идем со мной – и я дам тебе все, о чем мечтаешь. Дома тебя ждет волнение и суета, я же придам твоей жизни смысл, целостность и покой.

Господи, чушь какая-то! Что происходит? Ну да, вот сейчас я возьму и останусь, брошу все, что у меня есть: дом, машину – кстати, новую и любимую, – детей, маму, подружек, футбол с мужиками, друзей, пиво...

– Пиво не кажется убедительным доводом, оно есть всюду.

– Я что же, вслух рассуждаю?

– Нет, я читаю твои мысли. Ты тоже так сможешь.

Ну вот, теперь и не подумать... Нигде мне нет покоя... А слава, признание? Там я хоть кому-то нужен, пока не выгна-ли с «ящика»... Ой, этого он может не понять. Я имею в ви-ду – с телевидения... Да и как и на что буду жить, в конце концов?

Стою на темной улице Детройта, и свет, выбивающийся из открытых дверей церкви, придает происходящему голли-вудский оттенок, усиливаемый завываниями ЧБ. Но насту-пит утро, с чем я останусь – немного наличных и карточки? Бог мой, что я так суечусь, что мне так страшно?

– Не надо бояться.

Во взгляде Даниила никакой усмешки, он смотрел на ме-ня внимательно и очень проникновенно. Казалось, его... нет, вернее так – Его глаза излучают сострадание. Он походил на усталого земского доктора. Мне захотелось заплакать, поло-жив голову Ему на плечо.

От этой идеи стало еще хуже... Экстрасенсы, мать их, до чего довели!

– Ошибаешься, Владимир. Экстрасенсы ни при чем, ты обращался к Отцу Моему и был прав, у Него надо искать утешения и силы, лишь Он преобразит твою жизнь. Ты го-воришь о признании и славе. Но все, что у тебя есть, ничто по сравнению с тем, что Он тебе даст. Сомнения понятны, не бойся – иди за Мной, ты не будешь знать ни гонений, ни ни-щеты, Отец Мой защитит тебя, ибо час воцарения царствия Его близок и ты станешь одним из предвестников Его, ты ис-

полнишь предназначение имени своего и овладеешь миром и даруешь его страждущим.

Даниил поднял руку и дотронулся до моего лба – легкая прохлада, потом кожу стало покалывать, как будто все поры разом открылись. И я задышал каждой клеточкой тела. Я почувствовал, как наливаюсь неведомой светлой силой. Стало легко и радостно.

Подумал о маме и вдруг увидел ее: она хлопотала у себя дома на кухне, поставила турку на газовую плиту и, открыв холодильник, достала сыр к кофе. Странно, она же несколько месяцев уже не пьет кофе. На кухню вошла моя дочь...

Стоп, наваждение какое-то. Я взял мобильный и набрал номер – разница во времени, в Москве утро.

– Алло!

– Мама, привет!

– Здравствуй, сыночек, как у тебя дела? Я что-то тревожусь...

– У меня все хорошо, а вот у тебя сейчас кофе убежит.

– Ой, и вправду... Совсем забыла... Давно не пила, а тут захотелось. У тебя все нормально?

– Мам, не волнуйся, порядок, еще позвоню.

Н-да, ну и дела.

– Это только часть того, что ты можешь. Многое еще придет, – спокойно произнес Даниил.

– И что же мне теперь делать?

– Ничего. Жить с осознанием цели. Иди в гостиницу, ложись спать, с утра все станет на свои места. Если понадобится, подумай обо Мне. Да, вот еще...

Он вытянул левую руку вверх, совершил движение кистью, как будто доставал что-то из воздуха, и протянул перстень. Ажурное плетение металла, наверное, золота, но очень старого, оттеняло камень размером с ноготь большого пальца. Его поверхность покрывали арамейские письмена. Но почему-то это не мешало сиянию, исходявшему от камня. Я внимательно посмотрел на письмена и удивился, что могу прочесть: «Приидет царствие Мое».

Я смотрел на камень, сияние завораживало. Время покинуло пределы моего тела. Стало спокойно и хорошо. Очень. Мучившие меня телесные несовершенства ушли, перестала ныть потянутая спина, отпустила старая травма колена, даже веко, привычно сигналившее о переутомлении, больше не дергалось. Я был рожден заново и высоко держал голову, крепко стоя на ногах. Я видел все, что когда-либо случалось со мной, и радость и гордость за каждый поступок наполняли меня. Я не одинок. Свет становился материальным и придавал силы. Даже все мои подлости – маленькие и не очень – были известны Ему, и Он не упрекал меня – от Него исходили любовь и прощение, Он не стыдил, а понимал и прощал.

Глава 6

Резкий звук клаксона вернул меня к реальности.

Ночь, Детройт, не самая хорошая улица не самого опрятного города США.

Передо мной останавливается такси. Из него выглядывает старый еврей и громко обращается ко мне:

– Ну что, так и будем стоять до второго пришествия, антихристово воинство? Давай залезай в машину, а то огребешь от какого-нибудь великого черного брата по белой тупой башке! Кому говорю, залезай в машину! Довезу до твоей вшивой берлоги!

– Спасибо, мне тут идти пару минут.

– Не умничай, сомнамбула, садись. Давай пять долларов, на ком-нибудь другом сэкономишь.

Станный какой-то. Но колоритный, не отнимешь.

В машине висели звезда Давида и тексты из Торы. Я с удовольствием от ощущения внезапно обретенной учености прочитал их вслух.

– Не умничай, не в воскресной школе. Лучше пораскинь мозгами, с кем судьба свела. Приехали, вылезай!

Таксист определенно странный... На лицензии значится имя Енох. По виду возраст не определить, но старикан крепкий – видно, играл в американский футбол. Ни грамма жи-

ра, мощная фигура – прямо ветхозаветный патриарх. Как-то не вяжется с его развязной речью и с пятью долларами.

– Эй, психолог, не вяжется с пятью – гони двадцатку! Тоже мне доктор Фрейд...

Неужели я думал вслух или каждый второй в Детройте читает мысли?

– Каждый второй, каждый первый... Ты бы лучше для начала мыслями-то обзавелся, а то не много есть чего читать. Да и вообще мысли читать не сложно, а огорчительно. Вылезай, до номера сам дойдешь, не всю же ночь мне на тебя любоваться!

Я оставил старику двадцатку и вышел из машины.

Только сделал пару шагов, как Енох окликнул меня. Он вышел из такси и стоял, опершись о приоткрытую водительскую дверь.

– Внимательно читай Писание, внимательно! «Познаете их по деяниям их, не только от Отца сила идет, всегда помни об обаянии зла, отец тьмы коварен, антихрист приидет, называясь агнцем...» Иди и помни!

Ну все, хватит на сегодня. Перебор. В номер, в душ и в койку, опустошить содержимое бара – в плане пивка – и заказать пиццу в номер. Еврейские разборки никуда не денутся, а мечты надо исполнять.

Не прошло и получаса, как мальчишка-мексиканец доста-

вил горячую пепперони. Под бульканье холодного бадвайзера начала осуществляться московская программа действий.

Я переключал с канала на канал, получая дополнительное удовольствие от понимания испанского, а не только английского, как раньше. Хотелось найти что-нибудь на японском, чтобы убедиться в полученном даре, или представить себя в постели с Ким Бессинджер. Впрочем, от этих идей я отказался в связи с их откровенной совковостью и неизбывной пошлостью.

Увы мне, увы... Что поделаешь, дай обезьяне микроскоп, так она станет заколачивать им гвозди. Но разве я в этом виноват? Граждане судьи, ой, простите меня, родненькие, мужика недалекого, социалистической системой исковерканного, не виноватый я, все по каплям из себя выдавливаю раба, а его там за всю историю-истерию России-матушки ну уж столько накопилось, столько... считай, цистерна, а может, и две, учитывая коммунистическое рвение и тягу к перевыполнению плана.

Попуржив еще пару мгновений, я, абсолютно счастливый, отошел ко сну, успев отложить в сторону пару кусочков пиццы и последним усилием воли выключив телевизор. Сновидения не приходили. Я отдыхал от перелета и неожиданных встреч.

Проснусь утром – все пройдет – ни Еноха, ни Даниила, я по-прежнему буду знать родную речь и английский, изредка выпивать с мужиками, мотаться по выставке и по магазинам

в поисках шмоток для детей и себя, любимого... Все хорошо... Мне привиделось... Все хорошо...

Глава 7

Звонок. Утро.

– Хелло!

– Сам ты х. ло! Ты куда вчера делся?

– Во как... Ну с добрым утром и ту ю ту, дорогой товарищ Олег. Я делся... Не помню, куда делся.

– Вовка, я всегда знал, что ты скрытый наш человек, журналист – это диагноз, без гигантской печени в нашей профессии делать нечего. Ну ничего, вставай, пойдем на завтрак. Мы тебя полечим – не сирота.

Завтрак за границей – звучит как песня: ряды ветчин и йогуртов, сок и фрукты, белые крахмальные скатерти, чай в пакетиках, прикрытых металлическими боками кувшинчиков, и кофе ведрами. Симфония. Осознание невозможности наесться впрок провоцирует на бессмысленные подвиги чревоугодия.

Смуглолицая официантка, пробегая мимо нашего столика, роняет что-то с подноса и тихонько бормочет на испанском: «Ну я и растяпа...» Стоп! Почему я это понял? Я ведь не знаю испанского, никогда не учил, и весь словарный запас исчерпывался классикой – «бессаме муччо».

Значит, вчерашнее не приснилось, не пьяный бред и не визуально-слуховые галлюцинации.

В ужасе обхватил голову руками и почувствовал прикос-

новение холодного металла ко лбу. Так и есть, вещдок – перстень, как же я о нем забыл? Письмена на камне заворачивали. И вновь, как вчера, время остановилось. «...Приидет царствие Мое...»

Зачем я теряю время в Детройте? Надо что-то делать, нельзя просто так сидеть в компании стареющих алкоголиков и набивать чрево.

Странная мысль. Что же, теперь и не поешь всласть?.. А как со всякими прочими уладами плоти, да и просто с тем, чтобы поразвлечься... А что делать со свининой, обрезанием и шаббатом? Все заветы – в жизнь, и из разгильдяя с мечущимся сознанием переквалифицироваться в пророка?.. Праотцам нашим было проще: что Авраам, что Моисей были призваны на служение в очень преклонном возрасте и нарезились вдоволь. А я еще и не начинал.

Стыдно. Какой я все-таки недостойный, мелкий, суетливый человек. Выражаясь языком современного пиара, пара глав в Библии мне теперь обеспечена, а это ведь слава на века. На какие века?! Второе пришествие – это, знаете ли, все: Страшный суд, геенна огненная, и прочая, и прочая. Так что не на века, а на вечность – избранность, приближение к трону Господню. А на троне – Даниил...

Стоило только подумать о Данииле, и я почувствовал Его присутствие. Господи, что же мне теперь делать? Ответа не было, но появилась убежденность, что, если я поднимусь в

номер и чуть-чуть подумаю, все встанет на свои места.

Наверное, я выглядел странно: после заминки официантки прошло мгновение – здоровый мужик, сидящий за столом, вдруг обхватил голову руками, отдернул их, как от раскаленного песка, бросил взгляд на перстень, вскочил и, не поднимая глаз, устремился к выходу. Олег только и успел сказать:

– Ну ты даешь! Видно, живот после запоя крутит.

Номер, телевизор, кровать.

Не задумываясь, включаю Си-эн-эн, и на весь экран появляется лицо Билла Гейтса. Конечно, вот и решение, вот что надо делать. Только союз Тернера и Гейтса принесет Благоую Весть, и она словно молния озарит земной шар, и знание о Мессии наполнит мир благодатью, и сбудется пророчество. Дело за малым – убедить их в собственной правоте, заинтриговать. Но для начала получить возможность встретиться с одним из них и хотя бы успеть открыть рот и обратить внимание на себя до того, как кто-нибудь из поклонников не запулит тортом в лицо своего кумира. То есть нужна рекомендация и аудиенция. Сиречь ищи протекцию – вот как можно засорить родную речь! – но сути это не меняет.

Кто из знакомых способен посодействовать и что я могу предложить этим могулам?

Начнем по порядку. Знакомства в «Майкрософте» у меня есть, причем довольно высокопоставленные, как-никак Гла-

ва русского представительства – милейшая и умнейшая дама. Ну-ка посмотрим, где она сейчас.

Прелесть вновь обретенных возможностей – закрыть глаза и сосредоточиться. Совсем не так далеко, как я думал: Атланта, Джорджия, конференция майкрософтовских функционеров со всего света, Ольга беседует по телефону с мужем в Москве.

Нехорошо подслушивать чужие разговоры, но очень нужно, извините, пожалуйста... «Вернусь скоро, дня через три... Гостиница в самом центре, «Хилтон» он и есть «Хилтон»... Да, скучаю...» Опустим, это личное... А вот и то, что меня интересует: послезавтра выступает Сам, по окончании – прием для своих, будет человек десять-пятнадцать.

Вот мой шанс! Дети, в школу собирайтесь, петушок пропел давно!

Быстро упаковаться – и в аэропорт, билет до Атланты, а там Ольге в ножки.

Деньги проверить – было две тысячи, две сотни я потратил, в остатке тысяча восемьсот. Что-то бумажник неестественно раздут. Странно, может, они размножаются или рукодельцы используют шкурку Курочки Рябы... Но с фактами не поспоришь, пересчет показал наличие девяти тысяч восьмисот долларов. Умно. Скажем, было бы десять штук, пришлось бы объясняться с официальными лицами. Спасибо, Даниил, за заботу и соблюдение рамок законности.

Ну что же, цели ясны, задачи поставлены – за работу, товарищи!

Всегда помогает выполненное домашнее задание – не ленись! В каком отеле остановились воротилы Софта? Логика подсказывает, что в хорошем. Смешно! А теперь вспомним Ольгин разговор с мужем. «Хилтон». Открываем «Желтые страницы»... Бронирование номеров в гостиницах этой сети по всем штатам... Набираем...

– Hi, this is Marry-Ann. How can I help you? – Morning, I am looking for a room in Atlanta. – There a few locations we have down there. – I will go for the central one. – OK, and for how many nights? – Three please starting from tonight. – And your name? – Soloviev. – How do you spell it? – Well it is like solo view, but with the «V» for victory at the end. – Thank you, Mr. Soloviev, your reference number is 145298. – Thank you, Marry-Ann, you have a great day. – And you too.

Проявим предусмотрительность. Лучший экспромт – хорошо подготовленный. Позвоним Ольге, мобильные уже дошли до роуминга в Штатах.

– Оля, привет. Это Соловьев.

– Вовка, рада тебя слышать. Ты где?

– Прозябаю в Детройте, Мичиган, но собираюсь свалить в Атланту, все же штаб-квартира Си-эн-эн. Может, будет о чем с ними потрещать.

– Здорово! А я как раз в Атланте, если доедешь до нас, то звякни, пересечемся.

– Ловлю на слове, но за обед плачу я.

– Ладно, ладно, попрошу без мачизма. Разберемся.

И места в гостинице есть. И с Ольгой все так мило оборачивается. Теперь билеты Детройт – Атланта. Можно выпендриться и забронировать перелет по Интернету. В этом есть смысл, Биллу Ивановичу будет приятно, как-никак часть его мечты.

Подать сюда Интернет! В номере нет – шагом марш в комнату прессы!

Глава 8

Никогда прелесть занятия журналистикой не была столь осязаема, как во время изнурительных творческих командировок на автомобильные выставки. Пресс-комната напоминает штаб действующей многонациональной потешной армии: столы, взятые в плотные людские каре, очередь у телефонов и компьютеров, в углу интенданты возятся с закусками и горячим, то есть алкоголем, для страждущих.

Но наиболее активная жизнь у размещенных вдоль стены автоматов. Вот где разворачиваются настоящие баталии, бесплатные раллийные и прочие аттракционы служат ареной нешуточных схваток между представителями творческой интеллигенции. Часами они оттачивают мастерство в электронном вождении, подкрепляясь внушительными дозами вискаря. В редкие минуты, как правило, перед дедлайном сдачи материала в эфир, в них просыпается воспоминание о цели визита. И тут уж они с невероятной скоростью устремляются к выставочным павильонам и выпытывают у сотрудников автомобильных компаний, где те запрятали пресс-киты, чтобы в тиши компьютерных выгородок художественно переосмыслить их и выдать редакции в удобоваримой форме. Конечно, есть виртуозы, которые обходятся и без этого, пересказывая своими словами содержание ежедневной газеты, выпускаемой пресс-центром, и ин-

тернет-сайта устроителей выставки. В такой атмосфере ни до кого никому нет дела.

Захожу. На мое счастье, один из компьютеров свободен. Ну-ка, чем тут до меня занимались коллеги: проверили почту на йаху – понимаю, а все остальное порнуха. Н-да... Представляю, какая паника бы началась тут, узнай они о Втором пришествии. Вот ведь стыдоба – живешь себе и живешь понемногу, уверовав в незыблемость уютного материализма и изредка свысока рассуждая о делах библейских, относя их в область мифологии. И вдруг – стоп! Подать сюда всех грешников: а ну-ка извольте отвечать по делам своим и без всякой метафизики и экивоков, а вполне конкретно и конкретному человеку, да не вздумай врать, Он все видит, все знает.

Страшная мысль о буквальном исполнении Писания и предсказаний меня даже порадовала – все же я на стороне света, и, значит, наступит царствие Его, царствие добра. А пока время есть, резвитесь, грешники! И был я один из вас, а ныне призван и полечу исполнять долг свой.

Итак, бронирование билетов: введите «куда» – Атланта, Джорджия; «откуда» – Детройт, Мичиган; «когда» – сегодня. Ищем, ищем, нашли – «Дельта», вылет через пару часов, цена – грабительская. Введите номер вашей кредитной карты... Здесь я должен признаться – я даже не брал с собой бумажник, где лежали кредитки с очень скромным ба-

лансом средств на счетах. История с долларами, появляющимися ниоткуда, убедила, что надо жить аки птаха небесная, и пропитание само объявится. Со свойственной мне в прошлом циничностью я рассмотрел каждую из восьмидесяти материализовавшихся купюр и был приятно удивлен несопадением номеров. Банкноты выглядели абсолютно достоверными, да что там говорить, доллары, и все тут, разных годов выпуска и изношенности. Словом, чудо оно и есть чудо.

Уверенным движением я достал из заднего кармана док-ксерсов карту «Америкен экспресс» и порадовался ее платиновому цвету. На карте значилась моя фамилия, и я с удивлением узнал, что являюсь гордым пользователем карты уже семь лет, – спасибо, Даниил.

Процедура завершена: подтверждение – билет на стойке – бла-бла-бла – будьте за сорок минут до вылета, с радостью – паковаться и в аэропорт.

Чуть не забыл! Надо соблюдать приличия, а то ребята будут волноваться, где, что. Олега найти недолго – вот и он, красавчик.

– Олежка, я полетел в Атланту. Ты ребят успокой, если что.

– А чего так?

– Да там Гейтс выступает, вроде договорились на интервью.

– Везет! А здесь скука... В прошлом году компании хорошие подарки раздавали, а сейчас майки да кепки, только

«Хонда» – стулья. Вот Гейтс, он ведь наверняка щедрый...
– Угу... Ну держись.

Весь полет меня мучила очень непритязательная мысль: что я скажу Биллу, ну что такого я могу ему сказать, чтобы он мне поверил? Предположим: «Дорогой Билл, я знаком с Мессией». Начало хорошее, после этого остается броситься ему на шею и просить усыновления либо требовать немедленного покаяния и завещания всех нажитых богатств Церкви имени Вовкиного свидетельствования – вход со двора, звонить два раза.

Чушь! Нет, здесь надо пробить сразу – чтобы слушал и боялся отвлечься, чтобы это было надо ему, а не мне, чтобы у него от желания помочь скулы сводило, а я этак нехотя, практически свысока: «Ну что же, Билли-бой, давай геть видсиль!»

Никаких светлых мыслей в голове не было.

Незаметно для себя я заснул и очнулся уже в Атланте. Милая стюардесса настоятельно просила меня освободить самолет, ибо у нее еще есть в этой жизни дела. Как скажете, да и кресла у вас совсем не двухместные, так что мне, малому детиночке за центнер, совсем не сладко в них спится. Дискриминируете вы меня как представителя еврейско-славянского меньшинства. Был бы позлее, подал бы в суд на «Дельту» – не дают выспаться представителю национальных мень-

шинств и третируют на расовой почве. Ну нет у меня в роду негров, так что я теперь, и поспать не могу? Может, я во сне не успел досмотреть свою периодическую систему! Вот оно в чем дело, эврика! Менделееву просто-напросто повезло, он в самолетах не летал, а то человечество без его таблицы так бы и тыкалось по затхлым коридорчикам химических знаний. Н-да, Дмитрию свет картонажных дел мастеру посчастливилось, а нам...

Неловко мне за себя. Считаю, особый порученец, без двух минут апостол, особа, приближенная к Самому, и на тебе, ерничаю да бедную девчонку-проводницу до дома, до ее афроамериканской хаты не пушаю. Нехорошо, серьезней надо быть, ответственней – деньги не свои прожигаю, так что давай собирайся и выметывайся делом заниматься. И не забудь позвонить маме, волнуется ведь. А то наострился, чуть что подумал – и на тебе, уже видишь, а близкие переживают, им слово нужно.

Стоп! Вот и решение – надо попасть на конференцию, наверняка будет сессия вопросов и ответов: посылаю записку Биллу с четким указанием информации, которую, кроме него, никто знать не может, и на базе заинтересованности договариваюсь о личной встрече. А дальше классика советского цирка: пыль в глаза – клиент наш – звонок Тернеру – неделя предварительной сумасшедшей раскрутки во всех средствах массового оболванивания – и шоу в прямом ТВ- и интернет-эфире. А шоу какое? Ясно, визуальное, и, очевид-

но, в конце является Даниил. А дальше посмотрим на поведение прогрессивного человечества.

Багаж, такси. У меня не было и тени сомнения, что за рулем окажется мой давешний знакомец.

Глава 9

– Привет, Енох, как дела, рациональные объяснения вашему появлению здесь будут?

– Мальчик мой, а какие бы тебе хотелось услышать? Что я тут подменяю заболевшего брата-близнеца – так у меня его нет. Конечно, я здесь не случайно. Ты ведь не послушался меня, а жаль, и вот из-за твоих гениальных идей мне приходится ночью вылетать в Атланту, чтобы уже с утра тебя тут поджидать.

– Вопрос о том, как вы узнали, неуместен. Силы, которым вы служите, тоже не пальцем деланы, простите за фамильярность, то есть кое-что могут. Как сказано в Писании: «Бойтесь врага человечества».

– Ну-ну, ты с Писанием-то не очень! И цитируешь криво, да и кто тебе сказал, что ты на стороне света? Ты сам пораскинь умишком, голова у тебя свежая, ведь перед Христом должен явиться антихрист, прикрывающийся именем Сына Божьего.

– Понимаю, теологический спор важен, но можем ли мы при этом двигаться в сторону моей гостиницы? Боюсь выглядеть неучтивым, но позволю себе, несмотря на ваше умение читать мысли, напомнить, что номер мой забронирован в гостинице «Хилтон-сентрал». Так что если вас не оскорбит, давайте продолжим беседу в греческом стиле – то есть

в движении.

– Глумишься над стариком! – Енох нехотя крутанул ба-
ранку, посмотрел в зеркала бокового вида и продолжил, да-
же не глядя на меня: – Поразмысли! Хочется тебе чуда – и
вот оно... Давай одаривать как из рога изобилия. И ты уже
сам не свой летишь в горячке, наивно полагая, что реализу-
ешь собственные мысли. Куда, зачем – авантюра-то куда ни
шло, а дальше?

– Дорогой Енох, не хотите же вы сказать, что последнее
столетие не убедило вас по крайней мере в наличии несколь-
ких, если мне позволительно будет размышлять о данном
предмете, кандидатов на роль антихриста?

– Ну а кому же еще, как не тебе? Ты ведь у него теперь
на побегушках.

– Грубо и неубедительно. Хотя должен отметить, что заде-
вает, и в глубине души, несмотря на симпатии к вам, вызван-
ные наличием общей тайны и неординарных способностей,
даже оскорбляет. Но вернемся к нашим дьявольским бара-
нам. Если ваши личностные пристрастия не дают возможно-
сти выбрать из тройки молодцев-душегубов – Ленин – Ста-
лин – Гитлер (думаю, что китайские товарищи начнут протес-
товать против замалчивания товарища Мао, хотя вряд ли их
нехристианские голоса примут в расчет, а их соседи станут
бороться за месье Пол Пота, а арабские друзья найдут своих
саддамов на роль врага человечества), то вот Русская пра-
вославная церковь этот выбор сделала давно. Ну вспомни-

те: коммунистическая партия – пародия на церковь, у красных съезды вместо соборов, политбюро вместо синода, Старая площадь против Сергиева Посада.

Апостолов подменили старыми большевиками, вот уж и тем и другим пришлось в жизни хлебнуть! Ну и, конечно, фигура Самого – нетленного, замавзолеенного, смертью смерть поправшего, – дело его живет и побеждает, именем Ленина, волей народною нас к торжеству коммунизма ведет... Чем не к Страшному суду и воцарению света. Правда, Страшный суд оказался не скор, но ведь сроки никто не оговаривал. Да и в личной жизни не обошлось без параллелей, Инесса Арманд – чем не Мария Магдалина, правда, не показала. Дальше по мелочи... Один плохонький адвокат, другой не ахти какой плотник, но суть не в этом. Согласитесь, Енох, чем Ленин не антихрист?

– Жаль мне тебя, Владимир, ерничаешь, умничаешь лукаво... А истина – вот она, перед очами стоит, да тщеславие с гордыней тебе разглядеть ее не дают. Одумайся, пока есть время, и помни слова Писания. Ни за кого другого он себя и выдавать не будет, и на свет появится противоестественным образом, и назовется именем агнца, и явится из лона Церкви, и треть звезд на небе падут. Для тебя, болвана, поясню: значит, треть верующих безоговорочно сразу за ним пойдут. Помни, «познаете их по деяниям их». Приехали!

Такси замерло у входа в отель.

– Не забудь мой полтинник и выметывайся в свой «Хил-

тон»!

– А что так дорого?

– Инфляция. Шутка, гонорар за лекцию.

– А у меня нет полтинника. Вот сотня – сдачи не надо.

Я протянул купюру из Даниилова дара.

– Эту не надо – давай из своих.

– Почему? Эта чем плоха?

– Сейчас увидишь!

Старик взял бумажку в руку и посмотрел мне в глаза. Я выдержал взгляд, но боковым зрением увидел, как сотенная вспыхнула и вмиг превратилась в пепел.

Не сказав ни слова, я повернулся и двинулся прочь. Старик не окликнул меня.

Глава 10

Ольга была первой, кто попался в фойе гостиницы, когда я, спустившись вниз из номера, свежий после душа и счастливый от улучшения климата пребывания, готовился к рекогносцировке. Радость Ольги выглядела неподдельной.

– Молодец, Вовка, что собрался, да так быстро!

– Не поверишь, соскучился, сидел в Детройте на выставке – смотрю Си-эн-эн, а там Билл Иванович в Атланте. Нутром чувствую, что и ты здесь, а объяснить не могу. Дай, думаю, позвоню, ну и подлечу, все равно времени навалом и редакция оплачивает расходы.

– Хорошо, что приехал, у нас тут вечерком междусобойчик, но завтра выступление Самого и сессия вопросов и ответов, куда допускаются журналисты. Постараюсь получить для тебя аккредитацию.

– А что вас в Атланту занесло, неужто собираетесь покупать Си-эн-эн с «Дельтой» и устраивать виртуальные воздушные бои?

– Хм, ты не далек от истины. Новая тема – широкое коммерческое внедрение интернет-телевидения, а здесь без Си-эн-эн не обойтись. Мы беседуем с Биллом, а он вроде обо всем договорился с Тедом, но это пока не для прессы, дождись завтрашнего дня.

– Конечно, идея прекрасная, а для меня просто золотая.

Чем больше каналов, тем больше шансов найти запасной аэродром, вдруг что случится. Но если я правильно понимаю, то и для телевидения это революция. Оно приобретет сразу несколько дополнительных измерений – интерактивность наконец станет не телефонной, а практически... Все, замолкаю, а то идей много, вдруг кто-нибудь подслушает и побежит открывать собственную ТВ-станцию или покупать акции Си-эн-эн и «Майкрософта», что гораздо реальнее.

– Умный ты, Вовка, за что и люблю.

– Наше чувство глубоко и взаимно. Пообедаем?

– С радостью, но не сейчас, через полчаса очередная встреча руководителей подразделений. Ты поброди пару часиков, а я постараюсь заодно договориться о твоей аккредитации.

– Угу, я в двести семнадцатом номере, если понадобится.

– Все, бегу!

Атланта, держись! Пророк – нет, как-то меня величают по-другому, скорее всего апостол – всевидящим оком наблюдает за твоими обитателями. Ощущаете ли вы трепет, маленькие американские друзья? Или вы абсолютно уверены в том, что ежевоскресные походы в церковь и слезное исполнение государственного гимна перед началом бейсбольных игр откроют вам врата небесные и ангел с мечом, поставленный Всевышним охранять Эдем, смилостивится, и будете продолжать вы вести американский образ жизни, на-

полнив райский сад запахом жареной картошки и биг-маков.

Что я радуюсь, может, я и не апостол никакой, а демо-версия Иоанна Предтечи. Конечно, времена нынче иные. Пожалуй, голову мне рубить не будут, не Ироды правят, но пара лет тюрьмы за мошенничество очень даже может излечить от стремительно зарождающейся мании величия. А повод уже имеется, доллары у некоторых таксистов воспламеняются прямо в руках, что, кстати, опасно для их здоровья. А если уж быть по партийной привычке откровенным до конца, до кольца и до посередине гвоздика, то я не избранник, а душевнобольной. Иван Бездомный, но не в подштанниках и с иконкой, приколотой к исподней рубашке, а во вполне приличном прикиде и с карманом лаве. Но по сути все равно безграмотный оборванец.

Не могу больше! Страшно мне, аж холод продирает до самых ногтей, сердце с трудом ворочает льдины крови по жилам. Нет больше сил моих жить чужой целью, хочу покоя или пусть даже прежнего душевного раздрая. Добро и зло – прекрасные темы для застольного умничанья, но жизнь строится и из других материалов. Я ведь сам не свой, утехи плоти – и те перестали быть доступны. Крест ответственности за спиной заставляет настолько прямо держать спину, что нет возможности бросить взгляд на тело. Уже несколько дней даже не обращал внимания на красивых дам, не то что не предпринимал усилий для знакомства... Скоро и вовсе зачохну.

Ноги, давно не прислушивавшиеся к мешанине сознания, несли меня по центральным улицам столицы одной из Олимпиад и привели в скверик к скамейке, на которой, не спросивь остального тела, уютно пристроились. Я не сразу осознал мудрость выбора ног, но, оглядевшись, порадовался их развитому эстетическому чутью.

Явственная мягкость зеленого ковра и медовый запах свежескошенной травы оттенялись чуть заметной рябью на поверхности воды. Солнце в вуали туч наслаждалось переливами оттенков света. Легкий ветер аплодировал пейзажному изыску.

– А ведь ты впервые не думал обо Мне.

– Здравствуй, Даниил. Мне плохо, я боюсь.

– Конечно. И Я боялся, тогда, в Гефсиманском саду. Страх подкатывает неотвратимо. Его не может не быть, ведь в борьбе с ним уходят сомнения. Не стыдись. Владимир, скажи, что тебя гложет?

– Сомнения и сомнение. Извини, журналистская натура вылезает. Почему я? Как дальше жить? Как с девчонками общаться, в конце концов? Можно ли мне теперь свинину есть... А главное – кто Ты? По мнению некоторых, Ты антихрист.

– Опять этот несчастный старик... Не сердись на него. Разве Енох повинен в душевной слепоте, время прозрения его не пришло. Все ждут прихода антихриста, а ведь он давно

уже правит миром. Трудно смириться с этой мыслью. Готовились к приходу безумца и, как всегда, недооценили изощренности зла. Антихрист совращает, убивая в человеке Бога. Но что осталось совращать в душах после Достоевского, Ницше и Фрейда?

Посуди сам, ведь все мы, жившие и живущие, и есть Адам падший, осознавший грех свой против Отца Небесного и стремящийся к возвращению в Эдем. Однако последние двести лет разве вели к царствию света? Отнюдь. Гордыня Достоевского и всепрощение Фрейда запечатали воском глаза и уши людские. Стало можно все, ибо нет более личной вины, виновны все. Безбожник Фрейд клеймит детские воспоминания, перекладывая ответственность с тебя сегодняшнего на младенчество и недосмотры да запреты родителей. И верные социал-демократические ученики его не только родителей, а все общество, весь мир винят в грехах живущих, раздавая индульгенции и алча крови и равенства в ненависти.

И вот уже армии безбожников под красными и коричневыми флагами утверждают зловещее желание Ницше – Бог мертв. И нет у них угрызений совести, и попираются законы Моисеевы. И имя этому смерчу легион. Антихрист правит миром, меняя обличье и пожирая людские души, подсовывая им мыльные пузыри радужных идей, а те, взрываясь, больно щиплют глаза. Коммунизм и фашизм суть едины в непризнании Бога.

Как трагично, что прозрение наступает слишком поздно!

Смотри сам, как страшны судьбы лжепророков и воплощений антихристовых. Где же Бог, вопрошают они на смертном одре и получают ответ и аудиенцию с тем, кого предали.

Но жуткий стон их раскаяния не слышен Адаму совращенному. И продолжает он, подобно продажной девке, очаровываться медяками зла.

Утеряна вера и забыты скрижали. Прикрывающиеся именем Отца Моего творят страшные грехи, поклоняясь кумирам и вождедея занять их места. Что Магометово, что Христово воинство давно не под хоругвями, а под сатанинскими шкурами ведет несправедные походы. Как глупец, стреляющий себе в ногу, не способный осознать, что все тело его и есть единый организм. Все мы и есть один Адам. Так прекратить надо войны и ложь и покаяться, покаяться, покаяться, просить у Отца Небесного прощения и мудрости.

Голос Даниила звучал под конец речи иерихонской трубой, но трубный глас не тревожил спокойствия города. Я сам превратился в рог гласа небесного. И звуки протекали по мне, заставляя резонировать каждую клеточку тела.

Ужасные видения терзали меня. Как на горной дороге, летя со страшной скоростью, боишься сорваться с обрыва в безумие свободного полета, так и душа моя держалась изо всех сил за брненное тело и замирала ежесекундно. Я рыдал, как в глубоком детстве, но беззвучно, ибо собственных звуков не было у меня. Я весь был Его. Как мог я усомнить-

ся, как мог обидеть Даниила и пославшего Его, ведь Они так страдают, видя нас, мелких и грешных. Кровоточат душевные раны родителей от предательства детей. Как же должен страдать Творец, наблюдая тысячелетиями ежесекундное паскудство Адамово...

Глава 11

– Ку-ку! Ты что, заснул? Вот уж не думал, что встречу тебя в Атланте, спящим на лавочке. Умора!

– Женька, а ты что здесь делаешь? Хотя вопрос дурацкий... Ты же второй человек в московском представительстве Биллова воинства, поэтому и в Атланте. А привычки у тебя, видно, прежние – забил болт на семинары и шастаешь по музыкальным лавкам?

– Пять баллов. Вот к чему приводят годы обучения в аспирантуре ИМЭМО. Что ты здесь делаешь, не спрашиваю. Ольга говорила, ты звонил, да и Билл хотел с тобой встретиться. Ты ведь у нас историческая личность.

– И чем же я прославился? Неужели он смотрит мои телепрограммы или ему кто-то шепнул о гениальности моих радиорепортажей?

– Ты недалек от истины. Помнишь, как мы устроили аукцион в прямом эфире на твоей радиопрограмме? Вот и результат. Твоя идея продать барный стул, на котором в течение часа покоилась задница Билла, покорила всех. А когда до хозяина гузки дошли сведения о том, за сколько ты продал это довольно примитивное изделие безымянных мастеров, то гордости его не было границ: единственный человек в Америке, который за час задницей зарабатывает больше, чем президент США за неделю головой.

– Умоляю, только без аналогий! О, бедные американцы, кто ими правит!.. На следующих выборах у них нет шансов, и президентом будет избран даже не весь Билл, а одна его точка, да и то пятая.

– Ладно, ладно, играй, заслужил. В любом случае Билл будет рад тебя видеть. Знаешь, он приятный парень, без закидонов, с хорошим чувством юмора, – он тебе понравится. Туса сегодня вечером в маленьком мексиканском ресторанчике в двух шагах от «Хилтона». Когда-то хозяин заведения поблагодарил Билла то ли за чаевые, то ли за DOS. Короче, история деталей не помнит... Благодарность не имела границ – в пределах разумного, и теперь на все время конфы кабак скупается, и никого, кроме нас, там не бывает. Форма одежды парадная, то есть никаких шлепанцев на голые ноги и шортов, а самые что ни на есть джинсы, тенниски с логотипом любимой компании, ну и носочки с тапочками, а то может быть конфуз вплоть до переодевания прямо там во что бог пошлет. По секрету, господь обычно посылает мексиканский народный костюм – в нем жарко и все чешется, к тому же жутко воняет прогорклым маслом. Так что не испытывай судьбу, не надевай смокинг, будь как есть.

– Убедил. Вопросик напоследок. Когда Биллу Ивановичу пришла идея со мной побеседовать?

– Так вот вчера и пришла, как раз после твоего звонка Ольге. Он сразу вспомнил про стулец. Заулыбался и давай тебя нахваливать. Мы даже удивились его памяти. Да что с

него взять — гений.

Все идет как по маслу, и от меня требуется не много — верить и не мешать предначертанному сбыться. Вот только верить бездумно, наивно, по-щенячьи доверчиво — тяжело. Подспудные сомнения терзают душу, мозолями и мышцами привыкшую отстаивать свою самость, противящуюся нисходящей благодати.

Казалось бы, каждая клеточка тянется к Нему, внемлет и дрожит в предвкушении обещанного блаженства, однако опыт предыдущей рациональности якорными канатами держит в лоне повседневной пошлости. Терпи, Владимир, канаты истончатся, душа выскользнет из плоти, и воспарит ты, обновленный, к источнику света.

А пока, будь любезен, собери себя в некое подобие человеческой субстанции и отправляйся в гостиницу. Мытье тебе не помешает, ибо чистая душа — не гарантия приятных запахов. Ты ведь не дервиш и не собираешься трясти нечесаными космами, ты посланник... Ну и далее по смыслу... Изволь соответствовать, а то напугаешь товарища Гейтса. Вызовет он очаровательных помощников в белых халатах, и оставшуюся жизнь будешь ты полемизировать на отвлеченные темы с академиками психиатрии, поражая соседей по палате знанием иностранных языков.

В номере меня ждали — нет, не санитары — подарки от

«Майкрософта»: веселушный гигантский пакет с очередными летящими из ниоткуда в никуда шамкающими окошками, до краев набитый гостинцами. Ну прямо счастливого Рождества... Ой, надеюсь, это не прозвучало кощунственно!

Да, я люблю подарки. Что плохого? Я радуюсь внезапным безделушкам. Не храню годами, но факт их появления мне приятен. Вот, помню, на тест-драйве в Норвегии нам подарили компасы и бинокли – мило, они выглядели по-взрослому, их было приятно держать в руках, я чувствовал себя Индианой Джонсом. На рассматривание природы, правда, сил не хватило – коллеги нарушали режим, а я поддерживал. Но как бы там ни было, зеленый змий в окуляры не наблюдался.

А вот в Японии вышел казус. Весь полет туда я выслушивал речи заслуженного алконавта от журналистики, героического писуна в сотни изданий разом постыдных глупостей о величии пригласившей нас компании как самой щедрой и радушной. Реальность заставила протрезветь его в первый раз за долгие годы паразитирования на ниве журналистики. В последний день в гостиничном холле выяснилось, что напитки из мини-бара, просмотр платных каналов телевидения и звонки на родину надо оплачивать самостоятельно. А в качестве подарков раздали игрушечные модельки автомобилей. Счет, выставленный верившему в гостеприимство японцев всей душой, был столь значителен, что нам хором пришлось скинуться ему на бедность. Обратную дорогу несчастный предрекал близкий крах японского автопрома.

В пакете оказались: новая операционная система, море компьютерных игрушек, мышки, еще какие-то прибамбасы, незаслуженно называемые аксессуарами, рекламные материалы, годовой отчет, программа пребывания, конечно, пропуск на вечернее действо в мексиканский ресторан – тенниска с логотипом «Майкрософта» с одной стороны и моим именем – с другой. Когда только успели, чертяки! У-у-п-п-п-п-п-с, надо следить за речью... И письмо.

Я разволновался. Письмо на английском. Но оно не выглядело растиражированной болванкой с вписанным секретаршей именем очередного гостя. У меня возникло точное знание, что текст Билл написал сам и не сегодня.

«Дорогой Владимир!

Я ждал встречи, меня посещали предчувствия необходимости и, если угодно, неотвратимости этого события.

Нам есть о чем побеседовать, у нашего сотрудничества огромные перспективы, и я счастлив возможности обсудить их в личной беседе.

С уважением,

Билл Гейтс».

Ни числа, ни места. Впрочем, тут же, в пакете, конвертик. А в нем адрес мексиканского ресторана и схема, как добратъся из отеля. Действительно два шага.

Глава 12

Я пришел вовремя, но оказался одним из последних.

Ресторан гудел, веселье выглядело неподдельным. Людей немного, но места еще меньше, чем я ожидал. Три десятка человек превращали зал в роящийся улей. На ушах толпы в углу на возвышении наярывал мексиканский оркестрик, украшением которого были два вечных персонажа латиноамериканских групп. Один – маленький визгливый человечек на переднем плане в гигантском сомбреро, другой – здоровущий толстяк на фоне стены, меланхолично извлекающий звуки из крошечной гитарки, покоящейся в районе ключицы.

Можно и не говорить, что все сотрудники Билла давно уже миллионеры. Им нравилось, что и за что они делают, и они получали нескрываемое удовольствие от нахождения в среде единомышленников. Я радовался за них. Они совсем не походили на акул империализма, пожирающих невинные заблудшие программистские души и забивающих головы наивным юзерам очередными дорогушими окнами.

Из толпы появилась Ольга и кинулась мне в объятия.

– Вовка, ты как? Рубашечка в самый раз, пошли танцевать!

Я не успел оценить кошерность танца с позиции собственного мессианства и предался веселью. При этом боковым

зрением успел заметить Женьку, знойно танцевавшего с хохочущей толстушкой скандинавского типа. Через некоторое время и мне стало совсем хорошо. Показалось, что пару раз мелькнуло лицо Билла. Но я решил, что после такого письма мне не о чем беспокоиться и судьба распорядится сама.

Музыканты устало стихли. Я жантильно раскланялся с Ольгой, поблагодарив за танец.

- Хорошо танцуешь!
- Спасибо, мне повезло с партнершей.
- Златоуст, пойдем, я представлю тебя Биллу.
- Какая честь, с удовольствием.
- Не ерничай!
- Я на редкость серьезен. Даже ощущаю трепет.
- Не волнуйся, вы друг другу понравитесь.

Ольга взяла меня под руку, и мы отправились на поиски Билла.

Он стоял в нескольких шагах от нас и беседовал с неразличимыми миллионерами, откровенно наслаждающимися возможностью пообщаться с самым богатым человеком планеты.

– Извините, ребята, на секундочку вас прерву. Билл Гейтс – Владимир Соловьев, журналист из России, о его подвигах я недавно тебе рассказывала.

- Здравствуйте, Билл.
- Здравствуйте, Владимир. Здесь шумно, но есть зальчик, там нам не помешают.

– Как вам угодно.

Я успокоился – он знал, что я здесь не случайно, и знал о Данииле или предчувствовал знание. Я был готов дать ему то, чего он ожидал.

Скромное помещение с побеленными стенами, полдюжины грубых деревянных стульев вокруг круглого стола, накрытого белой скатертью. На столе кувшин с вином и пресные лепешки.

Мы сели друг напротив друга. Билл, не спрашивая ни о чем, налил вино и, подняв бокал, посмотрел на меня. Я тоже взял бокал и приготовился слушать.

– За призвавшего нас, за приход царствия Его.

– Аминь.

Мы выпили, вино поразило тонкостью вкуса.

Звуки веселья за стенами не доходили до нас. Казалось, комната парит в невесомости. Потолок и стены растворились. Разлившийся аромат напоминал дыхание Гефсиманского сада.

Билл заговорил первым:

– Знаешь, а я ведь Его еще не встречал. Много лет назад, когда я был бездельником, еле справляющимся с программой колледжа, я увидел сон, в котором мне было Им *обещано и указано*. Наутро моя жизнь изменилась. Всем, что я имею сейчас, я обязан Ему. Он указал путь и приходил на помощь всякий раз, когда мне казалось, что я иссяк и в тупике. Он

корень моего спокойствия.

А когда Ольга сказала о тебе, во мне зазвучал глас Его: «Это посланник Мой и возлюбленный ученик – ступай с ним дорогой, ведущей в Эдем». Расскажи мне о Нем.

– Он прекрасен и нежен, милосерден, мудр и глубок, любовь Его всепрощающая, а награда, дарованная Им, превышает любых надежд. Он кроток, как агнец, и всемогущ, как Отец Его. Он всегда со мной, стоит только подумать о Нем. Я же хочу, чтобы сбылось предсказанное и весь мир узнал о пришествии Его, чтобы Благая Весть, как разряд молнии, пронзила сознание беспечных потомков Адамовых и слезы восторга, умиления и радости окропили заблудшие души их амброзией надежды.

Добиться этого возможно, используя ресурс, как это модно называть сейчас, сосредоточенный в руках телевидения во всех его проявлениях. Мы дадим скептикам и реалистам подтверждение, которого жаждет их приземленный разум. Они верят в науку. Ну что ж, они получают то, во что верят. В прямом эфире мы сравним генетический код ДНК или что там еще придумают специалисты из криминалистических лабораторий... Два образца – один с Туринской плащаницы, другой Даниила. И весь мир поймет, что это Он. Клонированный Христос. Но Христос с душою, дарованной Великим Отцом, и плотью, пришедшей через чудо, но вновь через безгрешное зачатие.

– Я не знаю всех подробностей Его рождения, как, впро-

чем, и многого другого. Но я бы отдал все за право увидеть Его, – проговорил Билл.

Воздух в комнате пришел в легкое движение. Я понял, что мы не одни. У стены был Он, агнец. Я ждал Его появления и мучился неуместным вопросом: неужели Он наденет май-кроссофтовскую тенниску с именем «Даниил» на груди?

Обошлось без маскировки. В полумраке комнаты было сложно разглядеть Его одежды, что-то неброское цвета хаки.

Даниил подошел к столу и сел между нами. Ничего не говоря, Он поднял руку и положил ее на голову Биллу. На лице у Даниила играла улыбка умиления. В воздухе снова возникло движение, и они оба оказались стоящими в некотором отдалении от стола.

Я знал, что сейчас творится с самым богатым человеком мира, и почувствовал ревность. Теперь я не один, хотя по-прежнему первый. Есть чем успокоиться – я точно не Иоанн Предтеча. Следовательно, завтра с головой не прощаться. И это хорошо.

Я слышал мысли, пролетающие в голове Билла. Чувствовал ледяной ужас его отчаяния и ощущал наслаждение покоем и светом, исходящим от Учителя, от вести, что мы не одиноки и наш Отец Небесный не оставил нас.

Наблюдать за обрядом посвящения было неловко. Я все время сравнивал собственный опыт с тем, что разворачивалось. «Неужели и перстень, как у меня?» – подумалось

мне, когда Даниил материализовал из воздуха символ принадлежности. На душе стало легче, когда я убедился, что перстень Билла отличается от моего. Хотя надпись гласит то же, перстень иной, не спутать, не подменить.

– Приидет царствие Мое, – прочитал Билл по-арамейски, его глаза лучились. – Господи, какое счастье! А я боялся, что никогда не увижу Тебя, ибо грешен и алчен, и в вере слаб.

– Все хорошо, теперь все будет хорошо. Владимир, подойди к брату твоему и обними его – ты старший, и многие раны душевные твои оберегут братьев твоих. Ибо вера твоя закаляется в сражениях с сомнениями.

Я подошел к Биллу и обнял его. Я чувствовал, как Билла распирает от желания проверить полученные знания.

Даниил смотрел на нас с улыбкой.

– Я вас оставлю, вам есть что обсудить. Знайте, вы не одиноки, присоединятся еще избранные, и будут судить племена человечьи в день Страшного суда, сидя у престола Отца Моего. Не бойтесь преград, все они падут под напором вашей веры.

Из комнаты разом исчезло сияние, которое исходило от Учителя. Но благодать осталась. Нас окутывал дивный аромат, отделяя от мира бездуховности.

– Как же возвестить о пришествии Его? – спросил Билл.

– Любое телевизионное действие вызовет недоверие, уж больно развиты технологии, да и проповедники замылили

глаза... Пожалуй, сравнение ДНК – единственный свежий ход. Тем более если провести предварительный подогрев. Пару лет циркулируют слухи об опытах с клонированием. И кое-кто из христианских деятелей уже призвал провести исследования генетических материалов с Туринской плащаницы. Так что почва есть. Прости, что говорю банальности, привычка думать вслух. Понимаю, что мы можем просто читать мысли... Но так привычнее, по крайней мере пока.

– Возможностей Интернета для всего этого маловато, нужна еще репутация Си-эн-эн. Теперь понятно, зачем я связался в переговоры с ними. Нет лучшей рекламы для начала общего проекта объединенного всемирного телевидения – Эфир – Кабель – Интернет, – чем такое событие.

– Вот уж можно не сомневаться, что Тед зубами вцепится в эту идею: эфир по рейтингу перекроет все, даже свадьбу Чарльза и Дианы!

– Вопрос остается открытым лишь с получением официального разрешения от Римско-католической церкви на проведение опытов с плащаницей.

– Надо договариваться с Папой? Что-то мне подсказывает, что старик будет не против. Войти в историю – очень заманчивое предложение, а в бессмертие – так и вовсе беспроигрышное.

– Посмотрим на месте, ночью вылетаем в Рим.

Глава 13

Странно – куда мне ни приходится отправляться, всюду нравится. Может, я особый тип путешествующего конформиста? Хотя в отношении к Риму я не оригинален. Русские классики тяготели к этому удивительному месту. Гоголь обосновал его превосходство перед Парижем, и вслед за ним многие предпочли Вечный город суетливому легкомысленному кузену.

Имея за плечами традиционное советское школьное образование, сложно отнестись к античному прошлому серьезно. А уж плоды разрешенного туризма способны нанести по Гомеру нокаутирующий удар. Помню, как умилил меня на Крите факт существования могилы Зевса. Да и антропометрические параметры Геракла не впечатлили. Он был моего роста, в высшей степени средненького, всего сто семьдесят пять сантиметров. Умершие бессмертные боги и карманные великаны заставляют относиться ко всему периоду, как к собственным детсадовским воспоминаниям, – с нежностью, но не более. Должно пройти немало времени, чтобы понять всю пагубность взгляда на древние времена как на детство человечества. Все-таки за несколько веков до Рождества Спасителя на Крите были сливные бачки, хорошие дороги и световые колодцы, да и документы, которые находят археологи, свидетельствуют об извечности существо-

вания таможенных пошлин и налогов, разводов и долговых обязательств.

А архитектура? Зодчие Египта и Израиля, Мексики и Перу делают Гауди и Корбюзье похожими на школьников.

Да и система взглядов особой простотой не отличалась. Попробуй разберись в череде египетских богов, их взаимном родстве и сложнейшей череде перевоплощений, а для древних ростом в сто пятьдесят сантиметров это было простейшим ежедневным делом, на фоне которого они огнем и мечом правили Ойкуменой, подсчитывая поступающие подати и верстая годовые бюджеты с профицитом.

Науки были, государство было, экономика переживала подъемы и спады, и только не было пары приличных телекамер, чтобы донести до нас красоту духовности того мира.

Для меня открытие истории началось с посещения Израиля. Вдруг стало ясно, что Библия абсолютно буквальна, там нет иносказаний, столь близких русской душе, привыкшей к эзопову стилю.

Вот он передо мной, величайший из всех городов, город живого Бога. В первую ночь я не мог уснуть. Я не был способен осознать, как можно в шаге от Стены плача есть, пить, заниматься любовью, торговать, да просто дышать, когда Он на этих улицах, в этих камнях, в этом небе, Господь, видящий все и ждущий заблудших творений Своих.

В Иерусалиме душа мира, и там будет престол Даниила. Только там.

Вернемся в Рим. Да, он другой, помпезный, яркий. Но как бы там ни было...

Ясно, что на самом деле за двадцать с лишним веков изменилось немного, просто мы не ведаем тайн древних. Вдумайтесь, как же было развито городское хозяйство в начале эры, чтобы разместить на небольшом клочке земли три миллиона человек, да еще прокормить их, занять работой, обеспечить канализацией, тысяч восемьдесят из них отправить в Колизей на представления, всех обилетить, – голова кругом. Конечно, Риму не до души. Разве в толпе хватает времени на себя?

...Но Папа Римский ждет. Нить передачи ключей неразрывна. Близится момент замыкания круга, когда сольются душа и тело, Церковь обретет агнца, и слезы умиления выступят на глазах у Папы, и припадет он на грудь Спасителя, и вверит души паствы своей. Сбудутся пророчества собора Петра, патриархи западные и восточные объединятся благой вестью, и единой станет семья Христова.

Глава 14

Не буду спорить, в деньгах скрыты многие возможности, в частности – полета через Атлантику первым классом. И раз по апостольской работе надо отправляться в Рим, то давайте подходить к этому вопросу разумно.

Раздражает повышенное внимание к персоне Билла со стороны человечества, как и его чертова – ой, прости меня, грешного, – скромность. У самого несколько самолетов, а он решил, коль уж выбран Спасителем, оказаться поближе к тем, кого предстоит судить. Видите ли, потерял связь с народными массами. Поначалу хотел лететь экономическим классом. Пришлось объяснять, что в наши планы не входит паника на бирже. А никакой иной реакции на столь явные признаки разорения и помешательства отца-основателя одной из крупнейших деловых империй ожидать не пришлось бы. Забавно, что при этом он все же отправил в Рим собственный «Боинг» – вдруг нам захочется полетать вне расписаний! Мило, предусмотрительно.

Сообщение о поездке пришло утром следующего дня. Позвонила барышня, представилась помощницей Билла Ивановича и проворковала мой распорядок дня. Если мне удобно, то через полчаса принесут билеты в Рим. Ха-ха, вот здесь-то и пригодилась журналистская наглость. Я спросил о клас-

се, получил ответ. Отыскал Билла, услышал его мысли. Мы недолго, но продуктивно подумали вместе (смотри выше), и у помощницы зазвонил мобильный телефон. Через пару секунд она уточнила класс перелета.

Приятно иметь дело с большими корпорациями. Меня поставили в известность, что вскорости доставят корпоративные кредитные карты, некоторую сумму в евро и гардероб, соответствующий высокой чести встречи с Его Святейшеством Папой Римским.

Как и было обещано, через полчаса раздался стук в дверь номера. На пороге появилась очаровательная строгая барышня в сопровождении гостиничного персонала, осуществляющего доставку немалого груза, и человека, в котором безошибочно угадывался портной.

Гардеробчик был нескромен по ценам, высок по качеству и после несложных операций сидел как влитой. Логотип «Майкрософта» я нигде не обнаружил, даже на дорожных чемоданчиках Луи Вюттона стоимостью в мою годовую зарплату, а я получаю немало, хотя зарабатываю в разы больше. Вдаваться в объяснение этого постсоветского феномена не буду, ибо может выйти пятый том «Дас Капитала» о превращенных формах заработной платы и их несоответствии налоговым ожиданиям фискальных служб вечно лгущих олигархических государств.

В билетах значилось время отправления, и барышня по-

яснила, что лимузин будет ждать за два с половиной часа до вылета, а с господином Гейтсом мы встретимся в самолете, так как он отправится в аэропорт сразу после утренних переговоров с господином Тернером, которые, кстати, уже идут.

В ее словах слышались восхищение боссом и укор мне, еще не вполне проснувшегося. Хотелось поддеть ее самолюбие и сказать, что кому-то он босс, а мне меньшей брательник. Но я решил, что это нескромно и по-детски. Словом – недостойно апостольского звания.

Самая важная информация была оставлена на потом. Его Святейшество согласился на аудиенцию в личных покоях, так как здоровье его пошатнулось. И аудиенция эта состоится через пять часов после приземления.

Сердце сжалось. Я подумал о Енохе и его предостережениях. Если мы служим антихристу, то, возможно, в Ватикане и падём, пораженные громом небесным... Как стукнет нас Папа посохом по лбам... Как обратимся мы в соляные столпы или, того хуже – сгорим в нездешнем огне, словно свечи... Вот будет неприятность... Ватиканские службы замучаются давать разумные объяснения внезапной кремации Билла с товарищем или появлению их точных соляных копий. Мадам Тюссо с ее воском расплавится от зависти. А в мире появится новая мода на музеи соляных скульптур.

Я решил разогнать тяжелые мысли железками. Зал в гостинице был, время до вылета тоже. Вперед – за физическим

совершенством!

Через час потения дурные мысли отступили. Побриться, умыться, принять душ, облачиться в новенькое, упаковаться — и вниз.

Опасался узнать в водителе лимузина Еноха. Ошибся. Парень был незнакомым и молчаливым.

Как только выехали за пределы гостиницы, я заметил Еноха. Он стоял, опершись на приоткрытую водительскую дверь такси, и неотрывно смотрел на меня. Енох не мог видеть меня сквозь тонированное стекло лимузина, но он слышал мои мысли, а я его. Он источал скорбь и, казалось, был переполнен предчувствием беды. Захотелось остаться. Эта мысль начала пульсировать во всем теле. Останься. Останься. Останься...

Последние дни прошли как в угаре. Я не вспоминал о маме и детях, должно быть, впервые в течение столь значительного времени. Я не звонил домой, не думал о редакции, программах, забросил эфир. Неудобно перед дирекцией... Что им сказать? Правду? Не поверят. А лгать не считаю нужным.

Остановить лимузин посреди дороги, вернуться в Москву побитой собакой и до конца дней мучиться вопросом о том, что потерял...

Никогда!

Выбор сделан. Только вперед. Господь не без милости. В конечном итоге Бог един, так что Христос ли, антихрист ли, все служат высшей цели, не мне определять путь провидения. Таков мой крест, и я его не брошу. Не брошу! Не брошу...

Аэропорт. Чек-ин, паспортный контроль, гейт. Самолет.

Билл уже пристроился у окошка. Радостно приветствует меня, видно, что абсолютно искренне. Он обаяшка, и улыбка у него хорошая.

– Владимир, ты молодец, что отговорил от экономического класса. Там, оказывается, не подают шампанского. Я умер бы от жажды.

– Не пижонь... Как переговоры с Тедом?

– Замечательно. Он в восторге от идеи. Правда, поставил смешное условие...

– Интервью Даниила Ларри Кингу?

– Ты знал! Ты знал!

– Рано или поздно подобное интервью предстоит всем нам. Я не имею в виду – Ларри, как ты понимаешь... Зрителей обещать не можем, но беседу – наверняка. Не уверен, что при земной жизни Ларри...

– Для Теда все это слишком сложно. Он мыслит иными категориями: предстоит событие, рейтинг от показа которого войдет в историю... Все подчиняется телевизионным законам. Сначала он планирует раскрутку проекта, в тече-

ние пары месяцев в разных программах, от новостных до научно-популярных, нагнетается ожидание. Протравят историю о плащанице, поподробнее расскажут о клонировании, подпустят парочку религиозных деятелей, ждущих прихода Мессии...

– С телевизионных позиций необходимо показать всем Даниила до времени «Ч» – сравнения кодов, – чтобы народ делал ставки, гадал... Тогда появляется интрига. В ином случае возникает вопрос, почему мы сравниваем его ДНК, а, скажем, не твою. Ведь, судя по анекдотам, ты считаешь себя равным Богу.

– Слышали не раз... Не обидно. Вернее, теперь не обидно. Билл с нежностью посмотрел на перстень, его лицо стало печальным. Тяжело вздохнув, он продолжил:

– Знаешь, многие не замечают перстня. Отреагировал только один тип.

– Высокий старик, загорелый, крепкий, похожий на игрока в ваш футбол, красивое семитское лицо, копна седых волос?

– Да, похож.

– Где он тебя подкараулил?

– Я выходил из машины на встречу с Тедом, а он стоял у двери. Я сразу обратил на него внимание, потому что почувствовал тревогу, как будто во мне кто-то произносит вслух абсолютно неприемлемый для меня текст. Я осознавал, что кто-то читает во мне ветхозаветные тексты на арамейском

и все они о приходе антихриста. При этом было ощущение, что он же неотрывно смотрит на меня и прожигает взглядом. Еще когда машина только остановилась и я увидел старика, сразу понял – это он. Я даже не хотел выходить. Но мысль о Данииле придала сил, и я пошел прямо на старика. Он не шелохнулся. Когда я поравнялся с ним, старик произнес: «Еще один окольцованный. Враг человеческий силен, брось перстень зла, еще можешь спасти свою душу». Я не ответил, но было неприятно. Кто это?

– Зовут Енох. Судя по повадкам, ветхозаветный патриарх, владеет всеми нашими обретенными качествами – полиглот, читает мысли, и прочая, и прочая, чего мы сами еще не освоили. В свободное от назиданий время подрабатывает таксистом, берет неоправданно много. Не агрессивен. Торты не кидается, с кулаками не бросается, предпочитает воздействовать словом. Постоянно намекает на то, что Даниил – антихрист.

– Про торты ты вовремя вспомнил. Надеюсь, на сей раз обойдется... Не могу поверить, что Даниил – антихрист.

– Понимаю. Сам думал об этом. Я от Него ничего плохого не видел и не слышал, а вот мальчика на моих глазах Он исцелил. Основная проблема в том, что народ воспринимает библейские тексты примитивно. Сказано у Иоанна, что перед вторым пришествием должен появиться антихрист, значит, первый пришедший и есть враг человеческий.

Доходит до смешного, хотя особо веселиться нечего.

Один из русских святых предлагает такой критерий: если пришел первым, значит, антихрист, деяния роли не играют. При этом люди не видят, что его, антихристово, царствие наступило. Сила зла в человеческой забывчивости. Холокост забыт, Гитлер – Сталин – Ленин – троица зла – забыты, о Востоке можно и не говорить. Шок от 11 сентября прошел, по историческим меркам, мгновенно. Опять милуются, женятся, рожают детей и летают на самолетах. Зло рождает зло. Нет злодеяния, способного отвлечь человечество от обеда на дольше, чем на экстренный выпуск новостей. Так что, думаю, Енох не прав. Большой вопрос, кому служит он сам. Может, он послан, чтобы проверить нашу веру и закалить ее борьбой с сомнениями.

– Надеюсь, ты прав, Владимир. Понимаю слова Даниила, старшинство твоё не случайно. Возвращаясь к Теду и телевидению, – не думаю, что Даниил согласится продемонстрировать пару чудес перед камерой, да и кого сейчас этим удивишь!

– Не согласится – и будет прав. Он должен появиться в последний момент, как кролик из цилиндра фокусника... Н-нда, сравнение неуместное...

– Надо придумать парочку лжепророков и на фоне всеобщего разоблачения преподнести истинного Спасителя. Так?

– Не уверен... В идее, конечно, есть немало привлекательного, но уж больно напоминает Золушку. Со всего королевства потянутся претендентки мерить туфельку... Ника-

кого эфирного времени не хватит, да и высокий стиль пропадет. Начинает пахнуть дешевым шапито. Не та обстановка для появления Спасителя...

– Ну и не будем спешить. С Божьей милостью что-нибудь придумаем.

Глава 15

Мы и не заметили, как самолет оторвался от взлетной полосы и, уверенно набрав высоту, устремился в Европу.

Пару лет назад поездка напрямую из США в Италию для меня была бы невозможна. Дороги куда бы то ни было вели через Москву, где следовало получать визы для посещения иностранных государств, а отсчитав еще не так много лет в том же направлении – и разрешение на выезд из серпасто-молоткастого отечества. Вот времена... Но об этом быстро забыли и принялись кататься по свету, распугивая аборигенов звучными голосами и дурными манерами, ожидая от каждого встречного торгаша знания русского языка.

Удивительно, что из офиса Билла никто не поинтересовался, есть ли у меня виза в Италию. Может, им такая идея и в голову не приходит?

Начались обычные самолетные забавы – пить да есть. Ну что же, отведаем. Рассматривая полеты первым классом с гастрономических позиций, нельзя не отметить, что самолет оказывается одним из самых дорогих возможных ресторанов, при в высшей степени средней кухне и безобразном сервисе.

Что-то я выпендриваюсь без меры!

Билл достал карманный компьютер и принялся изучать

какие-то таблицы. Я еле сдержал усмешку. Зачем, когда в нашей жизни появился Даниил?

– Как зачем? – прочитал мысли Билл. – До Его воцарения многое предстоит сделать. Без финансов не обойтись...

– Понимаю. Но у тебя денег столько, что хватит до конца света.

– Надеюсь, ты прав. Однако лучше подстраховаться и не провоцировать наступление конца света собственным банкротством. Хотя должен заметить, что повода для пессимизма не вижу. Не понимаю, почему ты иронизируешь... Скажи еще про богатого и игольное ушко. Я ведь доходы использую на благие дела.

– Владимир Соловьев!

Я оторвал глаза от Билла. Передо мной стоял один из пассажиров. Его сиденье было наискосок и чуть впереди от нашего. Я обратил внимание на коротко стриженный седой затылок, еще когда садился в самолет. Тяжелая загорелая физиономия, ухоженная... Словом, почти приличного вида классический российский стареющий бычара. Костюмчик от Бриони, шея в два обхвата перевязана золотой цепочкой, годной для причаливания небольших сухогрузов.

– Да, это я.

– Очень приятно. Выпьешь? Я, знаешь, все твои ночные передачи смотрю. Правильные пацаны к тебе петь приходят. Прямо за душу берет. Особенно когда Шуфутинский пришел с двумя посидельцами... Я чуть в голос не зарыдал...

– Спасибо, но пить мне нельзя. А вы какими судьбами в Рим?

– Болееешь, что ли? Понимаю, меня врачи тоже мучают. А в Италии у меня дела. Крутимся по чуть-чуть...

Билл следил за нашим диалогом с ухмылкой. Благодаря Даниилову дару он понимал русский язык, и сцена, похоже, его забавляла. А меня – угнетала. Надо же, чтобы из всех моих программ, большая часть которых политические, этому троглодиту понравились только ночные посиделки с исполнителями блатных песен. Говорил же руководителю канала, не стоит! А он – давай, смешно ведь, политический журналист, и такое шоу. Ну-ну, обхохочешься...

В голове моментально созрел план легкой мести товарищу Гейтсу.

– Да, кстати, разрешите вас познакомить. Мой сосед – Билл Гейтс.

– Кто?

– Компания «Майкрософт».

– Да? Ну скажи ему, что его окна виснут.

Бычара радостно засмеялся, Билл насупился и отвернулся к окну.

– Ладно, меня зовут Виталием, вот моя карточка. Проблемы будут, звони, помогу. Правильный ты мужик и без гонора!

Соотечественник вернулся на место и, судя по задвигавшимся складкам на затылке, принялся активно поглощать

местную еду. Я последовал его примеру.

Забавно, что опознали меня, а не Билла, хотя вероятность такого поворота событий казалась минимальной. Вряд ли можно найти человека на земле, по крайней мере в ее цивилизованной части, который не слышал бы о «Майкрософте» и не видел фотографии Билла. И тем не менее факт налицо. Я польщен. Билл получил щелчок по носу.

Что это я! Обидел хорошего человека. А ведь он брат мне, да еще меньшей. Неловко!

– Извини, Билл, детство выиграло, был не прав.

– Да ладно. Хочешь, по всему миру проспонсирую твои концерты?

– Уел! Ты меня с Майклом Джексонem не путаешь?

– Нет, ты симпатичней!

– Но-но! Только без глупостей, братская любовь и не более! Да я с мужиками и не танцую.

– Шучу, шучу, успокойся! Какие вы, звезды, нежные!

– Возвращаясь к нашим делам – какой план пребывания в Риме?

– В аэропорту нас встретят ребята из моего офиса, доставят в гостиницу рядом с Ватиканом. Номера забронированы на твое имя, чтобы не вызывать ажиотажа в местной прессе. Впрочем, после бурной реакции Виталия я сомневаюсь в правильности такого шага.

– Давай, давай, пинай... Билл, а как ты добился аудиенции у Папы, да еще так быстро?

– Много лет назад я пожертвовал крупную сумму на благотворительный проект, который не был напрямую связан с Церковью. Но во главе его стоял перспективный священнослужитель, очень эффективно использовавший фонды. Мы подружились. Когда у него возникали идеи, он обращался ко мне. Симпатичный человек с хорошим образованием и чувством юмора и, что важно в условиях постоянных педофильских скандалов в католической церкви, абсолютно чистый. Не без моей помощи он довольно быстро рос по служебной лестнице и сейчас даже считается одним из возможных кандидатов на место Папы.

– То есть он кардинал?

– Кардинал. До этого миссионерствовал. Сейчас в Ватикане. По большому счету, все сделал Симон, так его зовут. Он будет присутствовать на аудиенции.

– Любопытное совпадение – храм Петра и Павла, идем с Симоном к Павлу, на Симоне как на камне обещал Христос построить Церковь Свою и нарек его Петром. Что-то мне подсказывает, что шансы Симона растут.

– Это в тебе говорит православное неприятие католичества. Посмотрим, как воспримет Благоую Весть ваша Церковь.

– Не вопрос. Посчитает дебит с кредитом, учтет реакцию президента и в случае очевидных выгод поспешит под хоругви Данииловы. С мусульманами и иудеями сложнее. Даже загадывать не буду, ибо разум мой слаб для такой зада-

чи. Одно точно, Даниилу восседать на троне в городе Храма, сиречь в Иерусалиме, а как сие случится, ведомо лишь Ему.

– Меня не покидает чувство, что Он рядом. Я даже договорился об аудиенции для нас троих. Только где мы с Ним встретимся?

– Не волнуйся, у Него удивительное свойство появляться вовремя и в правильном месте. Не удивлюсь, если Даниил летит тем же рейсом, что и мы, но в экономическом классе.

– Это ужасно! Пошли поищем Его!

– И что, ты договоришься о переводе Даниила в салон первого класса? Зачем? Если бы Он захотел этого, то так и было бы. И я бы летел экономическим классом, чтобы после того, как весь мир узнает о Нем, не читать статейки о путешествии апостолов в пошлой роскоши и не слышать сравнений с евангельскими временами. Даниил мудр и понимает, что поспешность ни к чему. Так что, друг Билл, наслаждайся комфортом.

– Что же, мы и будем так сидеть?

– Как хочешь, а я посплю. Аудиенция сегодня вечером, и времени отдохнуть не будет.

Глава 16

С чувством выполненного долга я откинул кресло, надел светонепроницаемую полоску-повязку, прикрывая глаза. Перед тем как заснуть, решил посмотреть, что творится дома, в Москве.

Мама лежала на диване и держалась за сердце. Дочь вызвала по телефону неотложку. Испуганная, она чувствовала свою вину: пришла поздно, забыла предупредить, дерзила. Мама переволновалась. И вот приступ. Я понял, что дело плохо, врачи могут не успеть.

Почувствовал, как медленно холодею от ужаса. Смотрел перед собой, и тысячи километров, отделяющие меня от дома, растворялись. Я был там и видел все.

Надо помочь. Взгляд прошел сквозь кожу и устремился к источнику опасности. Сердце совсем вялое. Я не врач и не знаю, каким оно должно быть в рабочем режиме. Я просто понимал, что то, что вижу, неправильно. Сердце походило на багровую устрицу, чуть трепещущую в раковине. Я стал думать о нем, приказывая работать. Давай, запускайся, соберись!

От напряжения у меня выступил на лбу пот, пальцы, впившиеся в подлокотник, побелели.

И мамино сердце послушалось и зашевелилось. Активнее. Еще активнее. Его цвет менялся...

Облако тревоги стало рассеиваться.

Дочь наконец дозвонилась до «Скорой» и принялась объяснять, как доехать.

В эту секунду мама подошла к ней, положила руку на плечо и сказала:

– Все в порядке, отпустило, слава Богу.

Я услышал, как мама думает обо мне. Мама, не волнуйся, все хорошо, я сейчас позвоню.

Сорвал повязку с глаз, выпрямился в кресле, вытащил одну из многих теперь кредиток и высвободил из гнезда платный телефон, провел в слоте карточкой и набрал номер.

– Алло, мама, не волнуйся, у тебя все хорошо. Я посмотрел, сердце теперь в норме и с остальными органами проблем не будет.

– Сынок, откуда ты узнал? Я уж боялась, что никогда не увижу тебя!

– Все будет хорошо, я всегда с тобой, не мог позвонить, суматоха... Сейчас лечу над Атлантикой в Рим, рядом Билл Гейтс, передает тебе привет, а спешим мы на аудиенцию к Папе Римскому.

– Звучит как сказка... Но я же знаю, ты мне всегда говоришь правду. Биллу Гейтсу тоже передавай привет.

– Мам, Билл хочет тебе сказать пару слов, он хорошо говорит по-русски.

Я протянул трубку Биллу, который все это время с тревогой наблюдал за мной и только в последнюю минуту рассла-

бился, увидев, что болезнь удалось побороть.

Он взял трубку и, прикрыв микрофон, спросил меня, как зовут маму.

– Инна.

– Здравствуйте, Инна! Это Билл, хотел вас поблагодарить за прекрасного сына. Мы хоть и недавно познакомились с ним лично, но я о нем был наслышан. А то, что увидел, превзошло мои ожидания. Мы очень подружились и работаем сейчас над важным проектом.

– Спасибо вам, Билл, за теплые слова. Очень приятно. Мне нравится то, что вы делаете. Я, конечно, в этом не очень разбираюсь, но Владимир всегда очень высоко о вас отзывается.

Билл протянул трубку мне:

– У твоей мамы молодой голос. Приятная дама!

– Спасибо, мам, я еще позвоню. Пока не могу сказать, когда вернусь. Надеюсь, скоро. Целую, я теперь твой ангел-хранитель!

– Ты всегда им был! Люблю тебя!

Я был настолько уставшим, что еле вставил телефонную трубку в ее пещерку и в полном изнеможении откинулся в кресле. Не было сил даже поблагодарить Билла, но я думал о нем с братской любовью. В наше время редко встретишь искреннее сострадание.

Чтобы успокоиться, решил сосредоточиться на дыхании и думать лишь о паузе между вдохом и выдохом. Вскорости я

успокоился.

Последнее, что я почувствовал перед тем, как заснуть, была любовь к Даниилу. Я был безмерно благодарен за дар исцеления.

Милая стюардесса дотронулась до моего плеча, и я очнулся.

– Прилетели, пора выходить.

Самолет уверенно стоял на земле, в руках у дамы был мой плащ.

– Спасибо.

Мы вышли в здание аэропорта по рукаву. И тут же наткнулись на улыбающегося молодого человека с табличкой, на которой была написана моя фамилия.

– Уважают! Да, хорошо быть знаменитым, ну бывай, если что, звони...

И Виталий, ухмыльнувшись, проследовал в сторону паспортного контроля. Мне было неловко. Я подошел к незнакомцу. Тот смотрел мне за спину. Конечно, подумал я, конспирация конспирацией, а музыку заказывает Билл, ему и все внимание.

– Бон джорно, Билл!

– Бон джорно, Паскуале. Коме стай?

– Ва бене. Не знал, что вы говорите по-итальянски.

– Говорю... Разрешите представить. Мой русский коллега синьор Соловьев, чья фамилия и значится у вас на табличке.

Он тоже говорит по-итальянски.

– Господин Соловьев, какая честь! Простите, что не узнал вас сразу!

– Паскуале, какие указания?

– Будьте любезны ваши паспорта и багажные бирки и следуйте за мной!

Итальянец грациозно лавировал среди пассажиров, растекающихся по стойкам паспортного контроля. Потом он скрылся в одной из боковых дверей. Через мгновение появился, оживленно болтая и помогая себе руками, в сопровождении высокого полнеющего человека в форме пограничника. Видимо, пограничник только что закончил перекус – теперь он боролся с крошками багета, уместившимися в пышных усах.

– Паскуале, что за спешка? Порка мадонна, даже Роналдо и тот ждал, пока я закончу обед.

– Леонардо, я тебя знаю всю свою жизнь... Ты не меняешься... Роналдо и не знал, что ты обедаешь, а ты и не представлял, что он стоит в очереди. Ты мастер придумывать эффектные объяснения... Да и ну его, этого Роналдо... Он же не играет за твою любимую «Рому»... Вдобавок бразилец... Поделом ему, скуадре адзурре, от него все равно никакого толку... Сейчас я тебя прошу помочь, потому что они мои друзья и они болеют за «Рому». Но смотри, если проваландаешься еще хоть пять минут, то, клянусь Божьей Матерью, о которой ты так жутко отзывался, они станут самыми пре-

данными болельщиками «Лацио» и будут рассказывать всем, что разлюбили «Рому» из-за такого лентяя, как ты!

– Прекрати! Мне уже стыдно! Давай их паспорта. Пусть подходят к дипломатической кабинке.

Паскуале призывно замахал руками с такой скоростью, что пылинки затанцевали вокруг него.

Паспорт Билла, мой... Через несколько секунд мы покинули зону ответственности Леонардо. А Паскуале уже погрузил наш багаж на тележку и радостно катил ее в сторону зеленого коридора.

В зоне ожидания толпилась бригада майкрософтовских бойцов. Я уж подумал, что они сейчас, выстроившись в ряд, исполнят музыкальный фрагмент, известный каждому пользователю окон: «Н-динь!» Но они ограничились широчайшими улыбками.

Билл же ограничился сдержанным приветствием. Он явно думал о другом.

Паскуале указывал нам дорогу. Билл шел очень быстро. Я еле поспевал за ним.

Как только мы вышли из дверей, перед нами остановился «Мерседес». Дверцы распахнулись, и мы погрузились в мир немецкой роскоши.

Я не сомневался, что если бы нам пришлось воспользоваться услугами такси, то имя водителя было бы Енох.

– Какой позор... Надеюсь, Даниил всего этого не видел. Устроили демонстрацию! Просил провести все как можно скромнее... – сокрушался Билл.

Я не был в настроении вступать в дискуссию, тем более что понимал и реакцию Билла, и тех ребят, благосостояние семей которых зависело от босса. Они старались как могли.

Я отвернулся к окну и сосредоточился на открывающейся панораме. Маленькие коробочки итальянских фабрик на островках асфальта среди полей и рощиц сменились городским пейзажем.

Рим прекрасен. Его красота открывается сразу, поражая воображение увиденным и осознанием гения, стоящего за каждым изваянием. Многослойный исторический пирог лишен эклектичности. Эти декорации позволяют сегодняшним актерам выйти в тогах или в средневековых камзолах, франкийских мундирах или в современных изысках мужской моды. Конечно, в основном итальянцы носят одежду в соответствии с модой, то увеличивая, то уменьшая ширину лацканов и число пуговиц. Здесь нет буйства, свойственного Милану, авангарду мировой моды, за которым тянутся Париж, Лондон и Нью-Йорк. Рим, если угодно, визирует тенденции, превращая их в востребованность, расцветивая город добровольными живыми манекенами и оценивая пригодность изыска к повседневной реальности.

Удивительно, Рим полон магазинов мужской моды, а бедные дамы пребывают как бы на обочине. На их нарядах –

отпечаток индивидуальности хозяек более выразителен, чем печать модного течения.

Витрины, витрины, статуи, фонтаны, ресторанчики. За каждым изгибом шоссе открывается прекрасная панорама, просчитанная одним из вечных гениев.

Город – сплошная иллюстрация из учебников архитектуры. Воплощенная машина времени. Копни где хочешь, и откроются бесконечные слои исторического пирога, наполненные мельчайшими подробностями быта ушедших поколений.

Однако произвести раскопки непросто. Дело не только в том, что для римлян Город – среда каждодневного обитания. Но и в том, что каждый метр притротуарного пространства всегда занят. Кажется, что прошел град малолитражных машинок: верткие градинки так удобны для маневрирования в уличной тесноте.

Вот и сейчас наш «Мерседес» окружен мошкаррой мотоллеров, на которых восседают граждане Вечного города, демонстрируя всем своим видом презрение к чужому – временному – богатству. Временному, как все, кроме Рима.

– Владимир, может, поедим перед приемом? Не думаю, что Папа нас накормит.

– В гостинице не хочешь?

– Не вижу смысла. Надоела гостиничная еда. Хочется местного колорита.

– Тут недалеко, у Аппиевых ворот, есть милейший ресторанчик. Хочешь, поедем туда?

Билл опустил стекло, отделяющее от нас водителя, и сказал:

– Заедем в ресторан у Аппиевых ворот, адрес... – и он посмотрел на меня.

Я подсказал:

– Аврора, 10.

Водитель с уважением посмотрел на нас:

– Браво, прекрасный выбор. Я позвоню, зарезервирую столик. Мы будем через пятнадцать минут.

Водитель поднял вверх большой палец. А я и не сомневался, что все будет хорошо.

Глава 17

Местечко небольшое, но популярное у местной приличной публики и обитателей прилегающих отелей. Хозяин, чей вид не оставляет сомнения в успешности бытия, как это водится на полуострове, прохаживается по залу, кокетничая с дамами и расшаркиваясь с господами. Жуир невысокого роста, с округлившимся животиком и задранным подбородком. Он гордо носит заслуженную славу великого хозяина масенького заведения.

Нас ресторатор встретил в дверях и провел в один из двух симпатичных зальчиков, украшенных живыми цветами и обязательной пышной живописью в дорогих рамах. Навязчивые картины не портили впечатления, а деревянные столы, стулья, чистые скатерти и легкомысленные абажуры придавали всему деревенский шарм – легкий полевой ветерок, перелетевший городскую стену.

Конечно, до принятия заказа дело не дошло. Хватило многозначительного вопроса хозяина:

– Мясо или рыба?

Ответ лишил нас права слова, но удостоил счастья лицезреть безупречно сидящий пиджак хозяина со спины.

Через несколько минут появился молодой человек в фартуке и на наших глазах совершил обряд жертвоприношения вина. Проделав необходимые манипуляции с салфеткой,

штопором, снова с салфеткой и дождавшись осмысленного поцокивания восхищения после нюхания пробки и смакования капель красного вина, он оставил нас в покое, удалившись не без развязности, но все же предварительно любезно разлив вино по стаканам.

Билла происходящее откровенно забавляло. Он отвык от возможности сидеть в ресторане, в котором всем глубоко безразлично, что он Билл Гейтс. Это там, у себя, в индустриально-финансовом мире, он большой человек. Здесь правят иные законы. В этом городе можно стать кумиром, магнатом, триумфатором. Но ненадолго. Толпа будет приветствовать тебя. К твоим ногам полетят венки – о Цезарь! – и поэты сложат гимны, воспевая твой триумф. Но где-то близко, на лезвии Брутова клинка, притаится забвение. Герой канет в небытие, и камни не вспомнят мелодию его гордой походки.

На улице Авроры, в маленьком квартале, возвышающемся над Испанскими ступенями, волны страстей разбиваются о Витторио Венето. На этом мелководье не водится крупной рыбы. Разве что хозяин ресторана. В этом закутке безвременья есть ответ на самый важный вопрос. И это не проблема акций. «Доу-Джонс» и «Насдак» воспринимаются как иностранные фамилии не очень учтивых посетителей. Главные вопросы – о свежести даров моря и правильности выбора поставщика мяса. Ответ на один из этих вопросов – перед вами. В восхитительном аквариуме плавают скорые жертвы чревоугодия.

Обед был прекрасен. Атмосфера ресторана располагала к наслаждению пищей. Никто не пытался пронзить глазами двух иностранных джентльменов, судя по одежде, американцев. Никого не мучили вопросы, что здесь делает самый успешный человек мира и почему вокруг не толпятся телевизионщики с камерами. Почему улица Авроры не забита могучими фургонами передвижных телевизионных студий и почему хозяин ресторана не спешит сфотографироваться со знаменитостью и просить у него оставить на скатерти автограф, чтобы потом вышить его золотом? Ведь так делают венские коллеги в «Захер-Кафе», на задворках Оперы...

Я подумал, что, может быть, это одна из последних возможностей спокойно посидеть в ресторане, отдав бразды правления чудному итальянцу. И, наслаждаясь деревенской пищей, не думать о духовном подвиге, на который мы были призваны.

Рим видел кровь многих христианских мучеников – не хотелось бы множить их число. Впрочем, в ресторане ничто не предвещало расправ с помощью креста, львов, тигров, огня и воды. Мы могли пострадать разве что от чревоугодия. Но в таком случае у нас нет шанса быть канонизированными.

Билл чувствовал мое настроение. Даниил призвал его чуть позже, чем меня, и он не успел осознать весь груз ответственности. Хотя, может, я не прав. У него ведь жизнь была не сахар. С одной стороны, все есть... А с другой – ощущать

постоянное внимание, и не очень-то доброжелательное, тяжело. К этому невозможно привыкнуть. И как не разочароваться в человеческой природе, когда каждый программист по сто раз на дню клянет Билла Ивановича и его родных и близких на чем свет стоит за мыслимые и немыслимые недоработки «Майкрософта». А больше всего – за невозможность работать на самого Билла, что гарантированно обеспечивает безбедное существование на поколения вперед.

– Я часто задавал себе вопрос, за что они меня так ненавидят, – подхватил Билл. Теперь уже нет особой разницы, говорим мы вслух или думаем. Мы стали взаимно прозрачны. – Иногда начинал верить, что я действительно исчадие зла и что мною движет отнюдь не свет. Теперь все успокоилось. Я знал, что избран, и ныне знаю – кем. И я счастлив, хотя от страха подвести Его замирает сердце. Но ведь если Он выбрал нас, это значит, что мы достойны этого и что мы лучшие из возможного.

– Напоминает фразу из Библии о Ное, который считался праведником во время его. Сиречь в другие времена Ноя бы поганой метлой гнали, а среди опустившихся людишек – он герой... Времена не ждут и призывают лучшее из имеющегося. Так что, брат Билл, утешимся этой мыслью. Вспомни о судьбе наших предшественников. Тоже ведь не все было гладко и у Петра... А про Иуду и вовсе молчу. Судьба наша зависит от нас только очень условно... Отдадимся потоку, и будь что будет. Хотя признаюсь – не возгордиться трудно. Из

миллиардов перстни дадены пока нам двоим.

Трапеза приближалась к завершению. Уже профитроли порадовали вкусовые рецепторы, прекрасный кофе вернул нас к реальности, и счет в руках официанта напомнил о необходимости продолжить путешествие.

Темнело. До аудиенции времени оставалось лишь на душ в гостинице. Ровно в восемь вечера в соборе Святого Петра нас ждал провожатый.

Мы погрузились в машину и через несколько минут влились в оживленный транспортный поток римского вечера.

Глава 18

Гостиницу сложно было упрекнуть в отсутствии внимания к деталям. Недавняя вилла еще не растеряла средневекового обаяния, а прекрасный парк, со вкусом украшенный скульптурами, служил буфером, отделяющим от повседневности.

Дворецкий распахнул тяжелые двери. Мы оказались в зале, сверкающем хрусталем люстр и дробящими свет зеркалами.

Улыбчивые служащие проводили нас в заказанные апартаменты.

Номера поражали великолепием, и одному в них было находиться неуютно. Ценные породы дерева перемежались мрамором, стены задрапированы шелком, альков опочивальни навевал скабрзные мысли, ибо мог принять не менее дюжины шалющих фей.

Мы договорились с Биллом встретиться в фойе через десять минут, так что времени понежиться в красоте не оставалось.

Пройдя анфиладу комнат, я обнаружил вход в мир Мойдодыра. Стиснув зубы, рывком бросил свое тело в ванную комнату.

Я чувствовал, что именно так все и будет. От увиденного на меня напал истерический смех. Я не мог остановиться и

хохотал в голос. Открывшиеся передо мной дорожки личного олимпийского бассейна, вскипающая пена джакузи и сопутствующее великолепие не вязались с просьбой Билла, обращенной к его сотрудникам, найти что-нибудь поскромнее. Конспираторы...

Приведя себя в порядок и обнаружив в гардеробной мой уже развешанный и разложенный багаж, я ненадолго задумался, в каком виде появиться перед Его Святейшеством. Идей не было. Точно не в смокинге, ведь идем в частные покои.

Остановился на строгом черном костюме, темно-синей рубашке, черных классических ботинках. Помучившись с галстуком, добился более-менее приемлемого узла. Но, посмотрев в зеркало, отказался от этого варианта и решил предстать перед главой Римско-католической церкви в неформальном виде, с расстегнутым воротом рубахи.

Спустившись по широоченной парадной лестнице, пригодной и для конных маневров, встретился с Биллом. Он, к счастью, прохаживался неподалеку, а то пришлось бы нам искать друг друга на футбольном поле весь вечер.

Билл был одет мне под стать, но с более ярко выраженной американской тенденцией – рубашечка поло под пиджачок. В общем, тоже не смокинг.

– Приятно отметить, что у тебя работают ребята с тонким вкусом и чувством юмора.

– По крайней мере мы можем быть уверены, что никто из

гостиницы не сообщит о моем пребывании в Риме и прохожие не смогут случайно заметить нас входящими или выходящими отсюда. Конечно, нескромно, но безопасно.

— А почему тебя так беспокоит вопрос конспирации, вроде ты не работаешь ни на одну из мировых разведок... И что особенного в том, что Билл Гейтс решил встретиться с Папой Римским, тем более не впервые.

— Я не могу объяснить... Мне тревожно... Тягостное предчувствие... Понимаю, что должен поступить именно так, но мотивация остается за пределами рационального. И это меня беспокоит. Видишь ли, в течение многих лет кукол водил я, а сегодня чувствую, что сам попал на ниточку.

— Это чувство мне знакомо. Хотя... Я стал к нему привыкать. Ну что же, вперед, мой друг, нас ждут великие дела!

— Да, пора. Только что мы скажем Папе?

— Доверься моей интуиции. Я наверняка что-нибудь скажу. Кого-то обязывает положение, а меня профессия — журналист.

Машина, дорога, город, барышни в соседних экипажах... Да, мужское начало подавить сложно... Однако фривольные мысли не успели материализоваться в неуместные замечания.

Мы остановилась на площади перед собором Святого Петра.

Еще не стемнело, но границу священного государства рас-

смотреть не удалось. Впрочем, пограничников там и не было, никто не требовал документов, удостоверяющих личность, и не спешил торгануть въездными марками.

Какое упущение для папского бюджета, да и нарушение традиций, если угодно. Ведь не так давно, буквально несколько веков назад не было такого человеческого деяния, которое не послужило бы источником дохода.

Грешить и каяться – мило. Но недостаточно. Лучше расплачиваться. В те времена не знали игр с безналом, так что платили звонкой монетой или вступали в бартерные отношения – вы нам мяса, а мы вам отпущение грехов. Грабанул – поделился, спи спокойно – отмолят.

Нет грешников, есть недостаточно состоятельные люди. Святость как мера богатства. Вот уж где Билл стал бы святым на раз! Да что там святым – апостолом.

И о туризме заботились. Учредили для тех, кто победнее, юбилейные годы. Пройди через ворота – и моментально очистишься. Гениальное изобретение. И как обставлено! Мейерхольд с Куснировичем от зависти побледнели бы. Сам Святейший, аки простой каменщик, молотком наносит удар по кладке, заложенной в дверной проем, и открывает греховным агнцам своим доступ в рай – сиречь в храм Петра. А как год заканчивается, он же – мастерок в руки, раствор погуще намешает и давай кладку возводить. Прямо вольный каменщик – не в месте масонского гонения будь сказано, а то энцикликой замордуют.

Вы спросите: Владимир, при чем здесь туризм, ведь юбилейные годы были раз в пятьдесят лет?

Да, устало отвечаю я вам, о просвещенные други мои. Да, вы правы. Но подумайте сами, мог ли простой христианин обладать такой свободной суммой денег, чтобы из своего европейского Мухосранска регулярно наведываться в Рим? Чтобы в темные времена Средневековья добраться до Ватикана, пожить там и не умереть с голоду на месячную зарплату? Жалкие крохи, оставляемые трудящимся классовыми кровопийцами, не позволяли им отправляться в бон во-яж ни раз в год, ни раз в декаду. Но высокая мечта об искуплении и иной, лучшей жизни передавалась из поколения в поколение. Откладывали годами, чтобы хоть одному пробиться в рай и отмолить всех.

Конечно, роль благосостояния народных масс велика, время ни на миг не остановишь. И вот, идя навстречу разжиревшим верующим, выделяется раз в год юбилейная неделя, попадающая на время туристического затишья.

Именно в Ватикане и тратились замшелые дензнаки на всякую туристическую чушь, с годами превратившуюся в сувениры. Гениально. И уже не важны страдания Христа и его мученическая смерть. Главное – количество щепочек в кресте, чтобы всем досталось.

Эй, мужчина, вы куда прете, крест не резиновый, всем не хватит! В очередь!

Странно, что Церковь не изменила Евангелие, приписав

Христу еще парочку крестов. Орудия убийства многочисленных святых не столь успешно выполняют эту функцию. Зато берут количеством. Вот и ответ на вечный вопрос монотеиста, почему христиане молятся такому количеству персонажей. Деньги очень нужны. А крест не резиновый, как верно заметила старушка справа.

С такой наследственностью, как у этой Церкви, Биллу нечего опасаться. Захочет, так в Нагорной проповеди появится строчечка об Окнах насущных. Даст денег – и объявят на весь мир Даниила Христом, тем более что финансовые последствия такого шага очевидны. Только представить себе: «Ливайс» – «Божественные джинсы», кроссовки – «В ногу с Богом», белье – «Спаситель», зубная паста – «Райская свежесть».

Бр-р-р... Ничего себе мысли перед посещением наместника Бога на земле.

Но настроение стало бодрым. Появилась здоровая ирония, и искорки забегали по жилам. Так у меня бывает в предвкушении прямого эфира, когда одновременно чувствуешь и волнение, и радость. И мир фокусируется, правда, кажется гораздо ярче повседневного. А время разбивается на мириады прихотливо соединенных хрусталиков, каждый из которых подвластен и понятен мне.

Ну, я готов. Где там Симон? Папу мне, Папу!

Глава 19

В соборе Святого Петра света явно не хватало. Подавляющий волю объем главного католического храма скрадывался пульсацией теней, оставляя полную уверенность в присутствии в непосредственной близости кого-то незримого и могущественного.

Мы вошли обычным туристическим путем, и я почувствовал укол разочарования. Ждал чуда. Разверзнутся врата отпущения грехов, и чрез них агнцами войдем к наместнику Его.

Как только мы вступили в храм, послышался звук, будто где-то очень далеко пробил колокол. Звон разлился в пространстве, медленно исчезая в небытии.

Пройдя несколько шагов и ощутив значимость места встречи, слышали негромкое приветствие:

– С прибытием. Храни вас Господь!

Откуда-то из боковых карманов возникла фигура крепко сбитого невысокого человека в черной рясе. Седую голову украшал малиновый пилеолус. Физиономия совсем детская. Розовые щеки и неприлично яркие чувственные губы. Огромные глаза смотрели на нас пристально, никакой доброжелательности. Тяжелые, удивительного стального цвета, они выглядели имплантированными и превращали лицо в карнавальную маску зайчика, доставшуюся начальнику на-

логовой полиции.

– И тебя, Симон, – ответил Билл. – Спасибо, что быстро откликнулся на мою просьбу. «Практически задаром, всего два с половиной миллиона на благие нужды по указанному тобой адресу», – эту фразу Билл не произнес, он ее подумал, зная, что я услышу и оценю степень преданности Данииловому делу. Я не наивен и, памятуя о повадках хозяина «Майкрософта», ничего другого не ждал. Каждый пытается расширить игольное ушко доступными ему методами. Интересно, когда Билл устанет играть в святошу и прямо обозначит сумму, выделенную за главы в новом Священном Писании?..

– Его Святейшество плохо себя чувствует, но решил с вами встретиться. Он попросил проводить вас, хотя сегодня безмерно удивил меня, пожелав беседовать прямо здесь, в храме. Так что идти недалеко.

Симон развернулся и направился к центральной части, где под золотым куполом мерцали огоньки свечей.

Многотонный гигантский балдахин, отлитый из чистого золота, словно парил над местом аудиенции и легко касался опорных столбов, которые сливались с полумраком собора. Это сооружение олицетворяло небесные силы и райские ветры, причудливо отражало поединки света и тьмы. Напряженные фигуры переплетались клубком вековых страстей. И дрожание свечей раскрашивало эмоциями их искаженные борьбой лица.

Папа в нарушение протокола сидел в простом, грубо ско-

лоченном кресле. По кругу стояли светильники, очерчивая зону аудиенции. Напротив кресла – низенькая скамейка без спинки, на которую нам и было указано. Но мы не сели, а остановились возле, ожидая знака к дальнейшему действию.

Симон не пошел в зону света, а слился с темнотой, вставшей и папскую охрану, невидимую нам, но, безусловно, выполняющую свой долг.

Понтифик сидел молча, голова склонилась на плечо. Глаза закрыты. Хотя лицо казалось спокойным, чувствовалось, что телесная боль терзает его. Белые одежды словно выточены из мрамора, столь незаметно дыхание.

Пастырь мне понравился. Его угасающая плоть была не в силах справиться с могучим духом.

Наступило молчание, опять послышался звон. Впрочем, я решил, что слышу его один, и склонен был отнести это к слуховым галлюцинациям – следствию трансатлантического перелета.

Папа открыл глаза. Легкая улыбка чуть тронула его губы. Он смотрел в нашу сторону, но будто не замечал нашего присутствия. Взгляд спокоен и полон решимости.

– Вы слышите звон? – спросил понтифик. Он говорил по-английски с сильным польским акцентом. Не дожидаясь ответа, продолжил: – Грозное предзнаменование. Никогда не слышал, чтобы пели ангельские врата, хотя в летописях есть

описание сего. Страшные времена грядут. Друзья мои, я решил принять вас сегодня здесь, ибо не выхожу отсюда с момента, как мне доложили о его появлении. Вы его слышите?

– Да, Ваше Святейшество.

– Простите, что по-стариковски думаю о своем. С господином Гейтсом мы уже встречались, и наше расположение к нему неизменно. А с вами вижусь впервые. Брат Симон упомянул, что вы из России. Сожалею, что так и не посетил вашу многострадальную родину. Хотя причина тому – и печальное упорство нашего возлюбленного брата – Патриарха всея Руси. Вы же знаете, я немного говорю по-русски, но не буду утруждать вас своим произношением. Итак, я весь внимание.

Я вдруг понял, что не знаю, как сказать Папе о явлении Даниила. Перед лицом самого могущественного духовного авторитета планеты мой рассказ выглядел по крайней мере нелепо. Но отступить было бы предательством. Наверное, надо попросить Его Святейшество не прерывать меня в течение десяти минут... Хотя глупо и невежливо обращаться с такого рода заявлениями – написал бы все на бумаге и передал в канцелярию, а там, глядишь, через пару лет вызвали бы на суд святой инквизиции. Правда, теперь он называется по-другому.

Отвлекаюсь.

Сосредоточиться.

У основания пальца, коронованного перстнем Даниила, запульсировала кровь. Я посмотрел на камень. От него исходило сияние, набирающее силу и стремящееся к камню в перстне Билла. От второго перстня тоже исходило сияние. Через мгновение светящиеся сферы встретились и проступила надпись багровым золотом, отделявшая Папу от нас.

– «Придет царствие Мое», – прочитал я. – Он уже с нами и прислал нас с Благой Вестью.

Тело Папы дернулось, как от удара. Мы услышали, как застучали подметки веревочных сандалий охраны. Но нас не схватили тренированные руки, свет перстней не давал им приблизиться. Он поднимался все выше и достиг золотого навеса.

Тихий гул нарастал. Поддавшись воздействию света и звука, тяжелый металл столбов под балдахином поплыл. Завитки вихрей завертелись в безумном танце. Алчные золотые языки лизали точеные фигуры, побуждая их к действию. Те ожили и под монотонный нарастающий аккомпанемент вырвались из многовекового плена и ринулись золотым небесным селем поверх наших голов к юбилейным вратам. Но не успели ударить в них, как раздался небесный глас, столь пронизывающий все сущее, что ни страх, ни радость не опишут его.

То был глас рождения сущего.

Безмерный и все пронизывающий, растворивший в себе многоголосье звучания всех инструментов, созданных рука-

ми единого Адама и гением Творца. Бессмертные творения возносивших свои помыслы к Богу сплелись в этом гласе и заняли места в строгой гармонии, существуя в измерениях, неведомых нашему миру и оттого еще более манящих.

Как скорлупа вызревшего гласа, врата рухнули, сорванные с петель. Фрагменты кладки с тяжелым металлом створок устремились к полу. Но створки растворились, не коснувшись пола, в ослепительном потоке света, заполнившего дверной проем и очертившего фигуру входящего в них.

По храму помчался свет, изменяя все вокруг и наполняя небесным гласом. Граница раздела приближалась к нам, пожирая творения католических гениев, оставляя за собой вместо свода ночное небо Иерусалима, а вместо помпезных разукрашенных стен и мозаичного пола – травяной ковер и необхватные деревья Гефсиманского сада.

Волна накрыла нас, и я ощутил, как тело наполнила благодать.

Через мгновение наступила тишина.

Папа так и сидел напротив нас, но уже не на стуле, а на камне. Он разительно изменился. Старческая спина разогнулась, волосы потемнели, кожа лица разгладилась. Но взгляд помолодевшего лет на сорок Папы остался прежним и пылал решимостью. Нас он, казалось, не замечал. Его губы сжались в две белые жилки. Правой рукой он крепко сжимал наперс-

ный крест.

На мое плечо легла рука – Даниил.

– Храни вас Господь, – приветствовал Он Папу. – Не там, в суетном и тщеславном месте людской гордыни, должны мы встретиться, а здесь, где муки сомнения ранили душу Мою, как нынче рвут твою. Почему ты боишься Меня?

– Не тебя я боюсь, а своей слабости, боюсь поддаться чудесам и чарам твоим и усомниться в вере своей.

– Так ты считаешь Меня антихристом? Не гордыня ли говорит в тебе, не страстное ли желание взойти перед смертью на крест и стать Папой-мучеником?

– Конечно, ты и есть антихрист! Ибо сказано в пророчествах, что перед Христом явится называющий себя именем Его и совершит две трети верующих. Не быть мне анти-Папой!

Небо Священной земли, до этого момента спокойное, с гигантскими сияющими жемчужинами звезд, взволновалось. Появившиеся порывы ветра, как овчарки-пастухи, принялись сбивать в отару чернильных небесных овец, не давая им разбежаться от места разворачивающейся драмы.

– Страшное обвинение выдвигаешь ты и не прислушиваешься к себе, уподобляешься синедриону, гнавшему Спасителя во имя своей власти во времена рабской скорби избранного народа. Прислушайся к себе! Разве не отступили все болезни, многие годы терзающие тебя, разве не думал ты еще

несколько часов назад, как препятствует немощь исполнению пастырского долга и сколь многое надо еще свершить? Да и Мне ли говорить тебе о печали мира и об антихристе, правящем им...

Оглянись вокруг, какое еще зло может пасть на головы людей, чтобы не сказали они: «Ах, было и пострашнее»? Где та Церковь – тело Христово, – на кою польстится антихрист? Очнись, приди ко Мне в объятия, передай ключи, доверенные Спасителем первому из вас!

Или страшишься ты полуночных мыслей? Прими Меня, а значит, уверуй в Господа Бога твоего. Не корыстно, где вера есть карьера, а по-детски – со слезой умиления, страстно и мужественно, ибо доверишься Отцу Моему, а не сонму, прикрывающемуся именем Его.

И покайся. Ведь одежды твои чисты. Но не помыслы... Хотя чище ты многих, бывших на этом престоле до тебя. Что сделали вы с доверенной паствой!? Как изолгали вы слово Мое, ранили дух Мой?! Где же Бог в Церкви твоей? Как мог ты уйти от тех, к кому Христос поставил Петра? Неужели заменят громады тщеславных соборов храм в сердцах людей? Оглянись вокруг и ужаснись со Мною!

«По плодам их познаете их». Страшны плоды, созревшие на вашем древе. В золоте и парче, жиреющие на бедах, несете вы ценности пастве, кои сами презрели. Знаю, что ты много каялся за прегрешения предшественников твоих. Но главного не увидел – нет Отца Моего в капищах твоих. Как нера-

зумные, вышедшие из плена египетского, бросились от Бога отцов их к златому тельцу, так и вы мамоне служите и ликам его, оставив веру, завещанную вам, и изолгав ее. Какому богу вы служите, как язычники, моля вспомоществования у ликов и обращая к ним стоны ваши? Забыли Евангелие, где сказано: «...ни о чем не проси своего Отца Небесного, ибо знает Он ваши нужды лучше вас, а останьтесь наедине с Ним в комнате дома вашего и скажите – Отче наш». Где начать и где окончить Мне список грехов Церкви, отступившей от Меня? – Даниил замолчал.

Молнии озарили грозный небосклон, раздался низкий нарастающий громовой раскат. Папа, до этого сидевший как истукан, упал. Странно было слышать, как он по-детски зарыдал, не скрывая и не стыдясь слез.

– Но не карать пришел Я, – продолжал Даниил. – Ведь число праведников всегда ничтожно и труден путь их. Сердце болит за заблудших овец, нуждаются они в слове пастыря... Ты люб Нам. Знаю, как трудно тебе, и не виню, а скорблю с тобой.

Понтифик приподнялся и встал на колени.

– Не перед тобой я на коленях стою, а перед Тем, в кого верую истово с дня первого младенческого умиления и поныне. Вера в Отца Небесного укреплялась от года к году служения Ему. Рыдаю я по пастве своей, ибо дни мои сочтены и не защитить их мне от силы твоей. Горьки слова твои

и много в них правды, но чистые детские лица, с надеждой вззирающие на Божественные лики в церквах, перевешивают все мудрствование твое. Видно, пробил час великой битвы, и, скорбя, радуюсь я – твой приход знаменует Его царство.

– Упрямый старик, очнись, разве зло несусь Я? Что видел ты от Меня дурного, что уже клеймишь Меня? Какую корысть увидел в словах Моих? Или сам уверовал в безгрешность свою папскую и тщеславие правит тобой? Где любовь к Богу? Где вера в Него? Да и есть ли добро и зло, коль Бог един? Не с паствой неразумной ты сейчас, а передо Мной. Скажи, в какие зияющие раны должен ты вложить свой перст, чтобы уверовать в Отца, Меня пославшего? Воистину не от Петра ты, а от Фомы!

Над нашими головами небо вдруг засветилось ярким полуденным солнцем. Тучи поменяли цвет и парчовыми пуфами окружили нисходящее сияние. В потоке света заискрились золотые чешуйки сухого дождя.

Глаза отказывались видеть, не способные вынести ослепительного блеска. Сквозь слезы я пытался разглядеть фигуры Даниила и Папы. Тщетно.

– Ну чем не Дэвид Копперфилд, – услышал я мысли Билла. – Зачем столько сил тратить на одного старика? Неужели нельзя решить эту задачу попроще?

Я обернулся к Биллу в негодовании, но ничего сказать не успел. Раздался оглушительный взрыв. И свет померк.

Глазам постепенно возвращалась способность видеть. Не без труда я разглядел, что сад исчез. Мы стояли внутри собора Святого Петра среди горы обломков того, что еще недавно представляло собой золотой балдахин и райские врата.

Даниил был по-прежнему рядом с Папой, тот стоял на коленях и истово молился с сомкнутыми веками. Я услышал встревоженный гул швейцарцев папской охраны и голос Симона, перекрывающий его:

– Ваше Святейшество, что с вами?

Охранники было бросились к Папе. Но Даниил поднял руку, и они застыли в нелепых позах, как дети, играющие в морские картины. Однако Симону Даниил позволил подойти к понтифику.

– Сын мой, пробил мой час... Всю жизнь я готовил себя к нему, но не смог встретить достойно, и оттого печально мне. Времена Спасителя грядут... – тяжело говорил Папа.

Даниил смотрел на Папу не отрываясь. И мне казалось, что это он говорит с Симоном, звуча набатом в голове старика.

– Не мне решать... Но вряд ли конклав найдет более достойного кандидата, чем ты. И ты будешь самым счастливым из нас, ибо вернешь ключи их хозяину. Вот Он стоит передо мной, а я перед Ним на коленях, как и должно быть. А теперь ступай и помни: ты – для Него, придет царствие Его.

Симон бросил быстрый взгляд на Даниила и попытался встать перед Ним на колени. Но Даниил остановил его жестом и поблагодарил улыбкой. Симон отошел в тень и двинулся прочь. Вместе с ним отправилась и ожившая охрана.

Даниил наклонился к Папе и помог встать.

– Спасибо. Видел, как тяжело тебе, ценю подвиг твой.

Папа глядел на Даниила во все глаза. Я чувствовал, как он мучительно пытается поверить в то, что Даниил и есть Мессия.

– Прости, если обидел Тебя. Там, в Царствии Небесном, я увидел все и понял, как прекрасно обещанное нам. Отпусти меня туда... Умоляю, отпусти...

Даниил обнял Папу. Они стояли, как отец и сын, перепутавшие возраст.

Папа ослабил объятия и, отодвинувшись, повторил:

– Отпусти меня!

– Быть по сему. Не пройдет и трех дней, как будешь ты восседать у трона Отца Моего на почетном месте по праву, заслуженному тобой.

Даниил развернулся и зашагал к выходу из храма. Неведомая сила подхватила нас, и, не успев осознать, мы уже шли в шаг за ним.

Не оборачиваясь, Даниил произнес:

– За храм не беспокойся, не его Я пришел разрушить.

Эти слова не долетели еще до алтарной части, а частицы разрушенного устремились друг к другу и, как солдаты, вы-

бегающие на плац, в момент разобрались по веками заведенному порядку построения. И вот уже ничто не выдавало ночного свидания, кроме зияющего провала райских ворот.

Выйдя на улицу, Даниил остановился и посмотрел на нас. Глаза Его были печальны.

– Простым прохождением под сводом грехов не искупить, но и врата оставлять в таком виде негоже. Да простит Меня Папа, что не в его руке мастерок, – сказал Он и направился через площадь к ждущей нас машине.

Мы следовали рядом. Не оставалось никакого сомнения, что не успеем мы дойти до машины, как врата будут стоять в первозданной красе.

Глава 20

Через несколько минут мы были около отеля.

За недолгое путешествие никто не проронил ни звука. И только когда машина мягко остановилась у входа в гостиницу и красавец в ливрее манерно распахнул дверцу лимузина, Даниил широко улыбнулся:

– Я проголодался. Пойдемте, отметим сегодняшний день, ибо потрудились мы на славу.

«Отметить – идея хорошая, – подумал я. – Но не мешало бы переодеться, так как со всеми треволнениями и катавасиями, с бросаниями то в жар, то в холод разум справляется, а вот потовые железы – не очень. Короче, душ не помешает».

– Хорошо, – прочитал мои мысли Даниил, – через пятнадцать минут в местном ресторане. И не говорите долго по телефону.

Не знаю, как чувствовали себя мои предшественники в пыльных хламидах, когда пробирались тайком по Земле обетованной, укрываясь в расщелинах от римских дозоров, питаясь подножным кормом и пренебрегая элементарной личной гигиеной, с глубоким презрением относясь к необходимости санации полости рта и не догадываясь о прелестях туалетной бумаги... Ими двигала одна цель – сохранить себя как живых свидетелей явления Его и донести Благоую Весть

до страждущих. А что будет с несчастными, попавшими под их тяжелое дыхание, их мало беспокоило. Скажем так – вера у них сочеталась с ослабленной чувствительностью к запахам. Иначе они отдали бы Спасителю душу на третий день служения. Впрочем, может, все общество жило так, дурные запахи были обыденностью, народ принимался и на эту тему особенно не тревожился... Кто знает?

Особенно приятно порассуждать об этих материях, наблюдая, как пузырящиеся потоки воды наполняют джакузи.

Придя в номер, я почувствовал жуткий голод и устремился к встроенному холодильнику – прости, мама, я даже не помыл руки, – а уж потом, с сокрушительным хрустом поглощая орехи, отправился в олимпийский бассейн, притворяющийся ванной комнатой, оставляя за собой шлейф из вырванных орехов, шелухи и фрагментов одежды. Вода набиралась быстро, и я с несказанной радостью проверил Архимедовы посылы.

Хорошо... Все же что хорошо, то хорошо... Я мог бы развивать этот тезис минут сорок. Но был прерван на взлете телефонным звонком. К счастью, аппарат располагался на расстоянии вытянутой руки.

– Пронто, – лингвистически безупречно начал я.

– Здравствуйте, Владимир Рудольфович! Вас беспокоят из администрации президента. С вами хотел бы переговорить Александр Стальевич Волошин.

С главой администрации я лично знаком не был, но знал о нем премного интересного. Судя по рассказам, он по меньшей мере реинкарнация кардинала Ришелье. Появившийся на этой должности еще при Борисе Демократизаторе, он перешел к преемнику вместе с прочими атрибутами власти – такими, как скипетр, держава, шапка Мономаха, конституция, вечно нуждающаяся в поправках, и ядерный чемоданчик, коим все меньше что можно было запустить.

– Я готов.

– Приветствую вас, Владимир Рудольфович. – Голос звучал тихо, но уверенно. – Мы наслышаны о ваших путешествиях и очень хотели бы с вами встретиться.

– Кто «мы»?

После паузы последовал ответ:

– Для начала давайте скажем так – я. А в зависимости от развития ситуации, может быть, нам придется встретиться и с руководством страны. – Небольшой вздох, потом очередная пауза, и, так как я не прервал ее радостными возгласами согласия, Волошин договорил: – Я имею в виду президента.

– Звучит неожиданно... Такая честь для простого российского журналиста...

– При этом, заметьте, в формате дружеской беседы, без согласования вопросов с пресс-службой.

– Я могу подумать?

– Можете. Вас заберут в гостинице через два часа сорок минут. Об остальном не беспокойтесь. С нетерпением жду

личной встречи. Всего вам самого доброго.

– Спасибо, до встречи.

Я положил трубку, выдохнул и опустил под воду. Вынырнув, принялся в срочном темпе намыливать себя без свойственной этой процедуре мечтательности. Намылил голову и, теребя волосы, поймал себя на том, что думаю о Данииле.

Он ведь знал, все знал – и про звонок, и про необходимость поездки в Москву. Ну почему не сказать по-простому? К чему эти семитские штучки – прости Господи, от семита и слышишь! Я что, меньше буду верить, если мне правду рубить прямо в глаза? А то все экивоками, мол, НЕ ГОВОРИ ДОЛГО ПО ТЕЛЕФОНУ... Дальше, Владимир Рудольфович, извольте сами домысливать.

Я был готов пыхтеть еще некоторое время, но услышал голос Даниила: «Спускайся в ресторан, орехами и ворчанием сыт не будешь».

Назлю всем я не стал вытираться наспех, а еще и высушил голову феном.

Не торопясь оделся.

Ужаснулся себе в зеркале.

И лишь затем отправился в ресторацию.

Глава 21

Несмотря на небольшие размеры гостиницы, ресторан оказался почти полон. В зале царило роскошное движение, создающее глубокий низкий гул хорошо отлаженной машины, каждый агрегат которой находится в гармонии с соседями и прекрасно знает, чего от него ждут. Официанты двигались уверенно и незаметно, материализуясь практически из воздуха. Присутствие кухни читалось лишь по появлению из ниоткуда блюд. Всем великолепием заправлял мэтр, чья улыбка могла затмить северное сияние.

– Синьор Владимир, какая честь! Ваши друзья в нетерпении! Надеюсь, у вас был прекрасный день. – Он продолжал речь, сопровождая меня к угловому столику, отделенному от основного зала подиумом и аркадой, декорированной вьющимися вечнозелеными растениями, названия которых мне неизвестны. Признаюсь, ген Мичурина – не из моего набора. Элегантно отодвинув кресло и усадив меня, мэтр бросил дежурную фразу: – Могу ли я вам предложить аперитив?

Я посмотрел на стол и увидел, что Даниил и Билл уже заказали красное вино.

– Если только воды с газом – без газа у меня течет из крана дома, – неудачно пошутил я. Потом сказал Даниилу и Биллу: – Простите, что заставил себя ждать.

– Ты уже собрал вещи? – Даниил посмотрел на меня, и

мне показалось, что я прочитал легкую усмешку.

Меня буквально подбросило. Я и так завожусь с пол-оборота, как мопед «Верховина», а тут сказалось недосыпание и нервное напряжение... Я чуть не сорвался на крик, не стесняясь ни Билла, ни Божественного присутствия.

– Даниил, что за игры?! Сколько можно?! Ты нас держишь за слепых котят! И Твои намеки – совершенно хамское тыканье нас мордой в наше небожественное... Я...

Да, я не знаю, что случится в следующие полчаса, и да, может быть, Аннушка пролила масло, но Ты-то что не скажешь прямым текстом?! Нам уже ничего не надо доказывать, мы в Тебя верим безусловно и жизнь свою готовы за Тебя положить... Так нельзя ли попроще, в самом деле?

Эта мысль, может быть, Тебя удивит, но мы тут тоже не пальцем деланные и в своих областях преуспели – Билл, конечно, поболее, но вот в блатных песнях он ни звука. Но сейчас не об этом речь...

Зачем? Почему просто не щелкнуть пальцами, произнести заклинание – скажем, эники-беники, бумки-бурумки, – и все верят, все правильные, все сразу всё осознали и поползли на коленях в сторону Иерусалима... Вид сверху такой картины впечатлил бы. Муравьи, возвращающиеся в муравейник, сиречь в Иерусалим. Братская любовь и покаяние гарантированы.

И чтобы не нарушать принципа свободы выбора, пожалуйста, давай предоставим выбор. Пусть ползут как хотят,

хоть на карачках, хоть по-пластунски, хоть по часовой стрелке, хоть против, земля ведь круглая, с этим же никто не спорит... Твоя хваленая свобода выбора ничем не отличается от моей. Как вся свобода индивидуального человеческого выбора ограничивается смертью, так и свобода всего человечества – Твоим пришествием.

Все, тема закрыта, всем спасибо, никому не надо дергаться, свершилось – Спаситель уже здесь, не надо толпиться в очереди, конец света никто не прозевает! Сейчас удобненько поставим двенадцать стульчиков под Твоим престолом и начнем судить. Праведники налево, остальные, извините, до соответствующих директив – в чистилище...

Ну бред это! Сколько времени отведено на судебную процедуру? Лет пять тысяч с хвостиком? Народу-то народилось... Да и нагрешили немало... Пока всех заслушаешь... А что будем делать с теми, кто не из двенадцати колен? По жребию судить или оптом в чистилище – мол, не от тех родились?..

Я почувствовал, что перегибаю палку, и приготовился превратиться в горстку пепла. Когда я поднял глаза, Даниил продолжал смотреть чуть иронично, но не зло. А Билл уставился в пустоту, будто увидел левые окна, установленные в ресторанном компьютере. Он ужасно напоминал постаревшего и располневшего Гарри Поттера. Нет, никакой ты не волшебник, просто очень богатый и не очень обаятельный

недоучившийся сукин сын, беззлобно констатировал я.

— Браво, вы как сговорились! Билл тут, хотя и не столь остроумно («Спасибо», — подумал я), выражал схожие претензии. Тебя огорчает поездка в Москву и робость от предстоящей встречи с твоим президентом. Да, конечно, встреча состоится. А Билла вывел из равновесия звонок от Симона и последовавший за этим разговор с внезапно заартачившимся Тедом Тернером. Примерно в то же время, что ты полетишь в Москву, Билл опять отправится в Атланту.

Причина вашего раздражения понятна. Вы впервые не на первых ролях. Вы привыкли манипулировать в том или ином виде многими. Или, цитируя тебя, Владимир, Билл, конечно, поболее... Теперь вы не принадлежите себе. Смириться с тем, что Божественная воля не просто существует, а воплощена в человеческом образе (и этот образ — не вы), тяжело, особенно принимая во внимание ваше гиперэго.

Если угодно — это ваше испытание и служение. Как алмазы, вы нуждаетесь в скрупулезной и долгой обработке, прежде чем засверкаете всеми гранями, превратясь в бриллианты. Вот и человечество должно пройти долгий путь самосовершенствования, набивая шишки и теряя многих, накапливая общий духовный потенциал, который позволит распахнуть врата и войти в них. Заметь, это не единое действие. Сейчас врата распахнуты, и поэтому Я с вами, но пройти сквозь них непросто. Требуется усилия многих, а привести этих многих в движение досталось вам. Поднимите взо-

ры людей к небесам, чтобы увидели они Меня, и поведу Я их дорогой спасения.

Стыдно признаться, но впервые речь Даниила меня не поглотила всего. Я заметил, как некрасиво у него кривится рот и подергивается веко...

Господи, что я себе позволяю... В поисках веры я посмотрел на перстень, и надпись, пульсирующая на камне, успокоила меня – «Приидет царствие Мое».

– Не бойся этого чувства, Владимир, бойся отсутствия веры. Вот что приводит к Иудину греху. Внезапная любовь грозит горьким разочарованием. В попытке обрести себя так легко свершить предательство. А Я силы свои приумножаю верой агнцев. Поэтому и сказано, что вы ловцы человеков и умножаете силы Мои подвигом своим.

Билл поднял глаза и подал голос:

– Хорошо, с этим я согласен. Но зачем надо сломя голову лететь в Атланту и договариваться с Тедом, если так мы сильно теряем позиции. При нормальных переговорах мы можем добиться бесплатных телевизионных трансляций. Но, оказывая чрезвычайное давление, мы ставим себя в зависимое положение и будем вынуждены идти на условия этого деляги. А он из-за высоких рисков и возможных судебных исков религиозников может потребовать изменения собственной доли акций в Си-эн-эн.

«Деляга... Кто бы говорил», – подумал я. Мне показалось,

в этот момент на лице Даниила промелькнула улыбка.

– Да что вы себе позволяете! – возмутился Билл. – Хотелось бы вам напомнить, что вы здесь находитесь во многом благодаря моим связям! Да и все, что сегодня случилось, произошло не без моего скромного участия. Не буду уточнять сумму, в которую обошлось участие Симона... Пусть это называется пожертвованием, но для бухгалтерских книг это минус. Могу представить, во сколько еще мне обойдется его братская помощь...

Да, Владимир, ты еще не знаешь, он отзвонил, сообщив, что сразу после нашего ухода Папа почувствовал себя очень плохо, но тем не менее потребовал к себе на подпись документы, среди которых и благословение на проведение сравнительного анализа ДНК Даниила и генетического материала с Туринской плащаницы. Ответственным за предоставление материала назначен Симон.

– А как сейчас самочувствие Папы? Мне он понравился. Может быть, сыграло роль родство славян, но, по-моему, он держался молодцом...

– Его просьба услышана, – произнес Даниил. – Завтра к вечеру Папа предстанет перед Отцом Моим, но мы к этому времени уже будем далеко от Италии. Билл, успокойся, все будет как будет, и Тед не потребует ничего. Сколько раз Я помогал тебе, когда, казалось, не было выхода... Верь, и сила придет.

«Ну, прямо Джедаи какие-то», – подумал я, но тихохонь-

ко, чтобы никто не расслышал. Однако успел получить порцию холодных взглядов. Чтобы перенаправить поток, я сказал:

– Зачем мы собираемся в ресторане, если все равно рот занят разговорами? Может быть, по дороге в Америку кормят и неплохо, но я самолетной пище предпочитаю ресторанную. И, без обид, чтобы не попадать на всякие ваши кашруты, свинины-шминины, козленка и молоко его матери, – заказывайте сами, а я беру на себя почетное обязательство все съесть.

Глава 22

Время приближается к первой встрече с родным официозом. У меня будет встреча с президентом. Еще совсем недавно я бы много отдал за интервью с ним.

Ну это я, конечно, привираю. Не много бы отдал, а много бы получил. Статусно, что и говорить. Рейтинг был бы... Мечта... А сейчас это уже и не очень будоражит фантазию. Ведь не я его, а он меня просит о разговоре. Практически подготовка саммита на высшем уровне, где я выступаю в роли шерпа, причем гораздо более могущественной инстанции, чем принимающая сторона. Интересно, будут ли присутствовать дядьки в рясах с бородами, – вот бы позабавился...

А вдруг я не понравлюсь президенту? Странная мысль... Но все же, что потом – искать другую Родину? Что делать, если ты с ним общаешься, а он смотрит на тебя и не спеша говорит: «Какой же вы неприятный, гадкий и глупый тип»? Ждать следующего президента, а пока впасть в революционный экстаз либо в летаргический сон?

Обидно... Ведь это практически встреча с Богом – проси чего хочешь. Например, поручить газовой или нефтяной компанией, и Билл Гейтс покажется тебе замухрышкой.

Стоп. Насчет встречи с Богом я, кажется, загнул. По этому вопросу ко мне. Красиво сказал. Гений. Великий. Актерище.

Тут я встаю, поднимаю руки. Кланяюсь. Зал рукоплещет. Не надо, не надо оваций, говорит весь мой вид. Я тоже люблю вас. Особенно сейчас, когда в свете софитов неразличимы ваши лица. И чем меньше знаю, кого именно, тем крепче люблю.

Кстати, а что делать ему, если он не понравится мне? Искать себе другую жизнь? Хо-хо-хо, вот будет номер!

Ладно – я... А вот не понравится он, скажем, Даниилу – и что дальше? Тут ведь другой Вселенной и то не отделаешься. Рвать на себе одежды, раздирать лицо в кровь, вздымать светлы очи к небесам и тихонечко спрашивать: «Простите, а там, случайно, больше никого нет?» Как монотеист монотеисту отвечу: «Нет!!!» Могу добавить по-марксистски: «Не было и не будет!» У нас с этим строго. Бог, понимаешь, един. Хотя тут пошли на уступки страждущим и выдали на-гора в трех лицах, но это так, адаптация к неразвитости религиозного чувства масс. Адаптация...

Конечно, этот бред я себе позволил не за общей трапезой, унылостью блюд и постностью лиц, напоминавшей кормление детсадовских отличников, а в номере, собирая море шмотья, доставшееся от Билловых щедрот.

Я чувствовал, как накапливается неясное раздражение. Кручусь словно белка в колесе, себе не принадлежу, телевизор в последний раз смотрел в Детройте. Мысли о барышнях были тогда же. Я что, обет безбрачия на себя наложил? Та-

кого уговора не было. Я-то как раз еще очень даже ничего. Уже все знаю – еще многое могу. Прямо-таки в полном соку. Учитывая мой вес, а это, простите, далеко за центнер, полнота моего сока не должна вызывать сомнений.

Кстати, о весе. Неловко как-то. Все-таки апостол, а жирный, как боров. Надо бы похудеть. Да, похудеть. Похудеть... Похудеть...

Напевая на все лады «похудеть», я продолжал кидать вещи в чемоданы и вдруг почувствовал, что с меня упали брюки и, извините за подробности, белье. Носки съехали к ступням. В области живота образовалась впадина, и еще недавно натянутая, как барабан, одежда повисла складками слоновьего брюха.

Опаньки!

Я ринулся к большому зеркалу, путаясь в чехлах, еще недавно бывших одеждой, на ходу пытаюсь сорвать ее, чтобы увидеть, каков я теперь.

На меня смотрел некто, напоминающий мои юношеские фотографии. Кожа нигде не болталась. Мышцы развиты хорошо, но без фанатизма. Родинки и нажитые за долгие годы шрамы остались на месте. Но тело было другим. Молодым, упругим, здоровым. Лицо как будто вынырнуло из жиры, скулы заострились, щеки скрылись из зоны видимости, мир расширился, шоры упали. Глаза из поросячьих буравчиков обернулись очами, и в них читалась грусть еврейского

народа. «Красавец!» – невольно подумал я. И отметил, что выражение лица осталось прежним – неизменно блудливым. Оно-то и выдаст... Следом взор направился к области давно ограниченной востребованности. Ну хоть не меньше, и то ладно.

Кстати, хорошо, что довольно давно, отнюдь не по религиозным соображениям, мне сделали обрезание, а то вот бы смешно было. Все те первые ребята, как и капитан команды, обрезанные, а я нет. Хохмочка получилась бы еще та. Хотя мог бы теперь пропеть про обрезание – и крайняя плоть послушалась бы.

Стоп. Чему радуюсь? Недоумок. А в чем лететь? Одежду можно теперь и не собирать. Если только открыть собственный магазин одного размера – XXXL. В Армию спасения и то не отдать. Такого размера нищие водятся только в Америке, у «Макдоналдса», а в Италии такое шмотье используют как чехлы для малолитражек.

Задача непростая. Время позднее. Единственный шанс – звонок другу. Билл, выручай, мы теперь с тобой одного размера.

– Билл, привет, не сердись, всякая чушь в голову лезет – усталость.

– ОК!

– Н-да, ты не болтлив.

– Эта функция у нас закреплена за тобой.

– Уел... Зато за тобой матчасть.

– И что теперь?

– Могу я стрельнуть у тебя одежду?

– Кому-то в подарок?

– Если бы!.. Я, видишь ли, похудел до твоего размера, а вовремя не прибарахлился.

– Я должен это увидеть!

Через несколько минут с дорожной сумкой в руках, набитой шмотьем, Билл стоял в моем номере. Могу и не уточнять, конечно, на сумке был гигантский логотип окон. Бросив сумку на ковер, Билл принялся осматривать меня. Наверное, именно так пятилетние дети играют в доктора.

– Здорово! И как ты это сделал?

– Просто захотел и как идиот стал это повторять. Я даже не помню, вслух я это делал или нет. По идее должен был вслух, тогда это напоминает библейскую тему Адама: когда еще во время нахождения в раю он попросил о дожде – и дождь пошел. Попросил о проращении семян – и был услышан. Единство слова и дела. Переход умственного труда в физический, как это трактовали классики марксизма.

– То есть если я захочу чего-нибудь и произнесу вслух – сбудется?

– Думаю, не все так просто. Ведь сказано, не искушай Господа Бога твоего. Скорее всего это должно совпадать с наличием объективной необходимости в деянии. Поясню. Воздушного змея запускают по восходящему потоку. Мне для

служения надо было похудеть, я и похудел. Если ты захочешь пополнеть, то вряд ли это получится, так как будет очевидным баловством. Но вот зрение тебе, наверное, поправить можно.

– Хочу нормально видеть. Видеть. Видеть. Видеть...

Билл зажмурился и продолжал повторять, как заклинание, свою просьбу минут пять.

– Хватит, открывай глаза.

Билл аккуратно открыл левый глаз, тут же зажмурился, сорвал очки и бросил на пол. Очки, не ожидая подобного проявления благодарности за верную службу, издав жалобный звук, треснули, оттолкнувшись от пола, подпрыгнули вверх и, раскинув дужки, изломанным паучком застыли на паркете.

– Можешь ничего не говорить. Убедительная демонстрация радости.

– Здорово, просто здорово! Пойду позвоню жене. Пусть порадуетя.

– Чему? Ты больше не будешь царапать ее очками при поцелуях?

Билл уже не слышал.

Человек женат. А у меня даже времени нет на флирт. Интересно, если я апостол, то мне что, к девчонкам теперь – ни-ни? А может, наоборот, это способ приобщения их к тайне. Да и вообще, если я апостол, то, значит, безгрешен? И все,

что сделаю, хорошо?

Классика ереси. Дремучие Средние века и заморочки Томаса Мюнстера. Дьявольщина в чистом виде. Искус. А жаль! Хотя попробовать все-таки надо. Ничто человеческое не должно быть чуждо, а то оторвусь от паствы – как тогда ей помочь?

Глава 23

Звонок.

– Слушаю вас.

– Владимир Рудольфович, мы внизу, рейс через два часа.

Не хотелось бы вас торопить, но сами понимаете, служба.

– Спускаюсь.

Достав из сумки Билла новенькую одежду, наскоро оделся и, прихватив еще московскую куртку, спустился вниз.

В фойе расположились люди в нескладных костюмах с очень пристальными взорами. Заметив меня, один из них поднес манжету ко рту и сказал:

– Объект вышел, подавайте машину.

Я прошел в заботливо раскрытые двери, даже не удостоив взглядом ораву с проводками в ушах, и оказался в коридоре из спин, который заканчивался открытой задней правой дверцей лимузина.

Забрался внутрь. На заднем сиденье уже расположился очень пожилой мужчина.

– Здравствуйте, Владимир Рудольфович, очень рад вас видеть, Засекин Виктор Львович, посол России в Италии. Я, знаете ли, ваш давний поклонник.

Разрешите по-отечески вас пожурить. Что же вы не предупредили нас о своем визите? Мы бы встретили, помогли чем можем... А то ведь ТАМ волнуются... Меня, старика,

расспрашивают, а я и не знаю... Вы уж там намекайте, что все прошло на высшем идейном уровне. Я понимаю, что у вас времени тут почти не было... Мы с ребятами собрали гостинец, так сказать, памятный набор. Вы уж не обессудьте, чем могли... Что-то я болтаю и болтаю, соскучился по новым лицам. К нам, конечно, часто прилетают, но чтобы такие люди – это событие...

– Виктор Львович, да побойтесь бога, я же не Алла Пугачева!

– Да, но за нее сам Александр Стальевич не стал бы просить, да и столько орлов бы не прилетело. Вы что думаете, в гостинице посольские были? Да у меня столько народу крепкого и не наберется. Это раньше в загранкомандировку стремились, а на нынешнюю зарплату желающих нет. Так, в основном мы, старики, свой век доживаем...

Виктор Львович приумолк, вспоминая партийно-правительственное прошлое, при котором ни за какие коврижки его бы не вытащили вечером из дома, оторвав от ужина, чтобы ублажать какого-то журналистишку. Да и не прилетел бы по мою продажную телевизионно-радийную душу борт из Москвы с группой сопровождения, достаточной для взятия приступом дворца Амина.

Погоревав, Виктор Львович продолжил:

– Вы о формальностях не беспокойтесь, мы вас доставим прямо к трапу самолета.

Бедный обломок старого режима! Что меня совсем не вол-

новало, так это формальности. Пройдет не так много времени, и все формальности канут в прошлое. Дождитесь, дорогой Виктор Львович, может быть, сегодняшний вечер перетянет на весах все ваши подлости и только благодаря нашей нынешней встрече вы соскочите с острых вил, уже готовых подцепить ваш перестроившийся, но все же очень коммунистический зад.

Приехали. Дверца, трап, стюардесса, улыбка.

– Добро пожаловать на борт самолета «Ильюшин» президентского отряда «Русь». Ваше место в первом салоне.

– Какое?

– Любое, в этом салоне летите вы один.

Свои вещи я из машины не забрал. Был уверен, что погрузят и без меня.

Удобно расположился, закрыл глаза и приказал себе отключиться. Судя по скорости, с какой разворачиваются события, в Москве поспать не дадут, так что не надо терять времени.

Навалился тяжелый сон.

Я видел старика Еноха, которого уже стал забывать. Он был не один. Рядом стоял похожий на Еноха старец с суровым лицом. Они оба смотрели на меня, и их голоса набатом звучали в голове. Они были недовольны мною. Кажется, костерили на чем свет стоит, причем делали это на иврите. К

сожалению, я понимал.

Требовали, чтобы я остановился и задумался. Конечно, в очередной раз предупреждали, что вначале должно прийти царствие антихриста. Из чего следовало, что Даниил совсем не тот, за кого себя выдает, а враг человеческий. Патриархи жалели Папу, меня, себя, человечество.

Устав от всеобщего страдания, я проснулся разбитым и в слезах.

– Через несколько минут наш самолет совершит посадку в аэропорту «Шереметьево» города Москвы, просим вас...

«Это не иврит», – подумал я, снова закрыл глаза и очнулся на земле, когда почувствовал, как кто-то трогает меня за плечо.

Все повторяется. Сейчас я открою глаза и увижу негритянку из «Дельты». Окажется, что я лечу из Детройта в Атланту. И вообще мне все приснилось...

Открыл. Белая. Русская. Не путать с белорусской. Симпатичная. Точнее, была такой лет сто назад.

– Пора, прилетели.

– Спасибо.

Глава 24

У трапа самолета встречали. Нет, толпы религиозных фанатов отсутствовали. Страна скромно принимала своего героя, делегировав эту почетную миссию все тем же плохо слышащим парням, говорящим себе в манжеты, и маленькой горстке сравнительно молодых людей с печатью власти на челе, стоявших на ковровой дорожке между трапом и уже приехавшими лимузинами. Хорошо хоть обошлись без военного караула. Совсем с ума посходили.

Было, кстати, холодно и ветрено. Зима. Это вам не Атланта и не Италия, можно и уши потерять. Курточка спасает да ботиночки. Все же похудание на размер обуви значительно не влияет, так что свое на меху работает. Извините, товарищи первоапостолы, что я тут буду не босиком.

Встречающий народ мне не понравился. Власть сказывается на характерах. Появляется плохо скрываемое пренебрежение к людям. Ну ничего, детишки, кое-чем мы с вами мериться не будем, нам, чудотворцам, ни к чему. Тем более что там, где у вас гулькин сами знаете что, у нас шлагбаум. Нескромно, скабрёзно, но правдиво. Почти.

– Владимир Рудольфович, здравствуйте, меня зовут Эдуард. Александр Стальевич ждет вас в Кремле.

– А его не смущает, что я с самолета и дурно пахну? Мо-

жем ли мы заставить ждать Его Сиятельство?

На лице Эдуарда мелькнула улыбка.

– Думаю, разберемся по дороге. У нас есть где принять душ, минут пятнадцать у вас будет. По опыту знаю, что и на Страшный суд босс опоздает, такой у него характер.

Эдик, Эдик, знал бы ты, насколько в масть пошутил!

Москва. Вечные пробки, которые сегодня меня не касались. Правительственный эскорт под ненавидящими взорами остановленных автолюбителей летел по Ленинградке.

Хороший город, только заблудился в климатических поясах. Почти девять веков к москвичам приходят снежные зимы – и все внезапно, все некстати. И уж сколько лет чем-то дороги обрабатывают, даже по теории вероятности должны были бы хоть раз угадать, так нет. Поправ науку, гордо скажем: все мимо. Заколдованный город, своей задачей считающий не допустить существования чистых машин.

Феномен. Грязь жуткая, а город красивый. Богатый, хлебосольный, разухабистый, город свой в рубаху и сноб, город-мечта и вечный праздник, заканчивающийся горьким похмельем. Столица мира – чего скромничать.

Я бывал в Кремле – причем зимой. Не понравилось. Со всем. Я не пытаюсь показаться борцом с режимом. Я лишь журналист. Судя по востребованности, неплохой. Но иногда желание пообщаться с властью имущими играет злую шутку.

Первый поход в Кремль я отметил поисками туалета.

Москва не любит думать о низменном, так что туалетов раз, два и обчелся. Припарковав машину у моста, метрах в трехстах от Спасских ворот, где находился пропускной пункт, обозначенный как место сбора, я уже собирался забежать в жуткую синюю будку, при одном виде которой закладывало ноздри. Однако был остановлен коллегой по цеху, направлявшимся на ту же встречу.

Коллега оделся по сезону: дубленка, теплые ботинки на толстой подошве, всем своим видом кричавшие, что и они на меху, и в прекрасной меховой шапке-ушанке. Коллега был кремлевским старожилом, и на его лице, расчерченном контурной картой склеротических жилок, отражалось искреннее сочувствие ко мне. Он искренне не понимал ни моих зимних итальянских туфель, идеальных для московского сентября, ни тоненькой курточки, и, уж конечно, бейсболка без ушей наводила на него тоску.

– Куда ты в таком виде?

– В Кремль. Что, не пустят?

– Нет. Точнее, пропустят, но вносить твой хладный труп будут товарищи, ты заиндевеешь.

– Да ладно пугать! Идти-то всего триста метров.

– Угу, и на ветру ждать час, а потом по территории Кремля, как в аэродинамической трубе, еще неизвестно сколько упираться перебежками...

– Ну, значит, такова моя судьба, – сказал я и сделал шаг в сторону туалета, так как промедление могло стать роковым.

– Ты что делаешь?

– Собираюсь, уединившись в общественном туалете типа пластмассовый сортир, выдавливать из себя по капле раба.

– Ты с ума сошел, провоняешь!

– Извини... А что, лучше выглядеть сумасшедшим чечеточником, отставшим от трупы?

– Да нет, просто самый теплый и чистый туалет как раз под Кремлевской стеной, у пропускного пункта.

– Спасибо, век живи – век учись...

– Да ладно, салага, стакан нальешь – и в расчете.

– Размечтался, – последнюю фразу я уже произносил, семимильными шагами отмеривая расстояние до храма Василия Блаженного.

Опыт, знаете ли, штука незаменимая – прав был коллега во всем.

Триста метров отзывались хрустальным звоном моих ушей, и чистый подземный туалет радовал теплом. Выходить на улицу не хотелось, но пришлось.

Саму встречу я запомнил плохо. Необязательная болтовня с небольшим чиновником президентской администрации. Говорил нескладно. На сувениры тырить было нечего – только карандаши с надписью «Кремль». Удивило, что даже бутербродов не поставили и что, несмотря на роскошь помещений, креслица были потертые.

Но вот чего не забыть никогда, так это контрольные проверки через каждые сто метров и внимательные лица пра-

порщиков и сержантов. Они как будто учились читать по нашим паспортам. И процедура эта доставляла им несказанную радость. Каждую страничку они изучали минут по десять, и под конец некогда полноцветные лица приобретали под воздействием мороза монохромное изображение паспортной фотографии. Тогда лица стражей озарялись пониманием, и испытуемый отправлялся к следующему КПП.

Ветер рвал лицо в клочья и пригибал уши к загривку. На третьем из постов мне уже было все равно. Я понимал, что в Кремле живет Снежная королева и попасть к ней на прием в сознании могут только пингвины. Жуткое ощущение холода я и вынес из кремлевского визита.

Но сегодня все было по-другому.

Эскорт машин прокатил мимо отдавших честь кремлевских стражей и остановился на внутренней территории Кремля у одного из служебных зданий. Дверца машины распахнулась, и Эдуард, очутившийся у меня перед глазами, принялся уговаривать:

– Владимир Рудольфович, прошу вас, только смотрите поаккуратней! Здесь скользко, брусчатка, да и ветрище жуткий!

– Помню, – ответил я и прошел внутрь помещения мимо охраны, любовно пожирающей меня глазами.

Был бы сахар, скормил с руки. Почитать бы для забавы их мысли... Но внутри стражных голов пустынно и гулко.

Зато в голове Эдуарда кипела жизнь, как в редакции желтой газетенки. Я приятно удивился отсутствию негатива ко мне и сложной комбинаторике взаимных обязательств, вызванных подписанием незначительного указа.

– Прошу вас следовать за мной, – произнес Эдуард и устремился в глубь помещений. Я еле успевал держаться у него на хвосте.

В процессе движения мой провожатый поворковал с кем-то по сотовому. Потом, не скрывая саркастической улыбки, произнес:

– Александр Стальевич примет нас через полчаса, так что успеете принять душ. Ваши вещи доставят, не волнуйтесь.

Мы остановились в коридоре у одной из высоких белых дверей.

– Ленин жил здесь?

– Практически. Но его тень вам не мешает. Я зайду за вами минут через двадцать.

Глава 25

Квартира вождя не впечатлила, разве что вафельное полотенце тронуло. А так – гостиничный номер как номер. Сантехника могла бы быть и попримечней.

Быстро приняв душ и переодевшись, я решил воспользоваться гостеприимством хозяев и поставил телефон на подзарядку. Последний раз заряжал в Америке. Да и друзьям для смеха славно будет рассказывать, как в Кремле помылся да подзарядился. Особенно если учесть, что сюда сотовые и проносить-то нельзя.

Ровно через двадцать минут раздался негромкий стук в дверь. Я был полностью готов к встрече с высшим руководством страны и, на всякий случай перекрестившись, решительно распахнул дверь.

На пороге стоял сам Александр Стальевич. Моего роста или чуть выше, но сутулящийся, в темном костюме, который вполне могли носить и во времена большевистских обитателей. Взгляд пристальный, но не злой, во многом благодаря очень пушистым детским ресницам. Сначала я подумал, что они выгорели на солнце, но, сравнив с остатками растительности, аккуратно уложенными вокруг гигантской лысины, понял, что это такой необычный пыльный цвет волос. Александр Стальевич походил на Ленина, засушенного и вы-

цветшего, у которого от долгого хранения заострился носик, но умище и взор остались орлиными.

– Рад вас видеть, м-м-м-м-м, Владимир Рудольфович. Может, если вы не возражаете, пройдем ко мне, кабинет в двух шагах. Там и потолкуем за чаем.

– К вашим услугам, – неожиданно серьезно даже для себя ответил я.

Кабинет был действительно в двух шагах и стоической обстановкой вызывал уважение. Гигантский стол, зеленая лампа, компьютер, батарея телефонов, кресла, на стене фотография президента. Перед самим кабинетом находилась сторожевая секретарши, в которой обычно, конечно, толпился народ. Но сейчас всех куда-то передислоцировали. И только немолодая дама, должно быть, помощник, с готовностью принялась активничать, услышав команду босса.

– Будьте любезны, Нелли Петровна, нам заказать пару чая.

За большим длинным столом мы сели друг напротив друга вдали от главного места, которое обычно хозяин кабинета занимал на совещаниях. Волошин помолчал, видно сосредоточиваясь.

Он и так-то говорил очень тихо, но уверенно, а тут и вовсе перешел на леденящий шепот.

– Дорогой Владимир Рудольфович, что происходит? Мы очень волнуемся и не знаем, как реагировать...

Он не закончил фразу, но я не дал договорить:

– Смиренно, Александр Стальевич, смиренно. Это, пожа-

луй, единственная возможность.

– Забавно. – Волошин пожевал бледные губы и очень внимательно посмотрел на меня. – Что вы имеете в виду?

– Необходимо смириться с тем, что далеко не все зависит от вас и совсем не все можно разрулить.

– Хорошо, давайте зайдем с другого конца. Зачем вы были в Ватикане в компании с Биллом Гейтсом?

– Александр Стальевич, у нас так беседы не получится. Спасибо за чай и до свидания.

Было любопытно читать происходящее в голове у функционера. Он был взбешен и растерян. Впервые за последние годы ситуация выходила из-под контроля. Магия должности не действовала. Общаясь не с просителем, он даже не понимал, как завоевать расположение. Такая задача не ставилась никогда. Многие были готовы отдать все лишь за возможность побывать в этом кабинете... А тут какой-то писака-говорун взбесился... «Может, вызвать охрану?» На этой мысли я улыбнулся. «Или лучше позвонить, и парень окажется безработным. А потом у него начнутся проблемы с милицией. А там ему намекнут – и пороги будет обивать, умолять о прощении, гнида», – вертелось в голове у Волошина.

– Саша, может, тебе очки круглые прикупить?

– Зачем?

– А с очками да разожравшись, ты с такими мыслями – вылитый Берия. Ну так вот, никакой охране ты не позвонишь, ниоткуда меня не уволишь, ибо мой работодатель от тебя не

зависит. Я не обещаю тебе, Саша, что ты вылетишь со своей работы, но вот что поручение своего работодателя ты не выполнил – точно. Так что зови своего холуя, пусть выводит из хором.

– Вы никуда не пойдете, это абсурд. – Волошин вдруг улыбнулся. – Хотя почему же абсурд?.. Так вы, оказывается, читаете мысли... Занятно...

Он успокоился, прикрыл глаза и пару минут сидел, застыв как статуя. Вернувшись к жизни, снял очки, сильно растер ладонями лицо, попытался улыбнуться. Ему это удалось.

– Извините, вспылил, хе-хе, хотя и мысленно... Как-то привык к тому, что мысли здесь угадываю я. Об этом мне ничего не докладывали. Впрочем, у них и не было возможности удостовериться. А еще что умеете?

– Билет на Соловьева брали? А то начинаю ощущать себя конкурентом Дэвида Копперфилда. Не получается у нас разговор, хотя удар вы держите.

– Большой опыт – многие били. Шучу. Проблема, уважаемый Владимир Рудольфович, отнюдь не в наших взаимоотношениях. А в том, что я, как ко мне ни относиться, представляю в данный момент интересы вашей Родины. Причем не исторической, хотелось бы отметить, а самой что ни на есть большой и малой. И это придает мне силы, простите за пафос. Президенту доложили о некоторых событиях источники, к которым он привык прислушиваться, и мне было поручено с вами связаться.

Если информация о ваших, ну, скажем так, довольно неожиданных перемещениях и встречах окажется интересной для национальной безопасности России, то, вполне возможно, у Владимира Владимировича и будут непосредственно к вам вопросы.

И давайте договоримся сразу, не надо театрального надрыва и поз. Будь вы хоть наместником Бога на Земле... Президент России – это величина, и от него зависят судьбы наших с вами сограждан.

Волошин говорил спокойно, и я поймал себя на мысли, что он мне даже чем-то симпатичен. Наверное, таким и должен быть серый кардинал. В первую очередь функциональным. Категории «хорошо – плохо», «добро – зло», «нравится – не нравится» для него не существуют. Хозяином поставлена задача, и ее надо решить. Наиболее технологично и по возможности быстро. Если для этого надо поцеловать или укусить, то действие будет осуществлено. Он лишь идеальный исполнитель. И мысли насчет моей скромной личности были отработкой одного из возможных вариантов получения желаемого результата. Ему бы еще побороть физиологические потребности организма – и будет Голем-Франкенштейн на зависть средневековым умельцам.

– Ну что же, Александр Стальевич, тогда давайте вернемся к исходным позициям. Что вам угодно?

– Хотелось бы понять природу ваших отношений с Папой

Римским, Биллом Гейтсом и Даниилом Давидом.

Я впервые услышал фамилию Даниила, хотя мог бы и догадаться – ведь он должен быть из дома Давидова.

– Прошу. С Папой – отношения строго официальные, с Биллом – братские, с Даниилом – апостольские.

Волошин задумался и повторил манипуляции, начиная с позы застывшего тушканчика, пройдя через сдергивание очков и заканчивая растиранием лица. Правильного ответа пока не было. Через несколько мгновений забрезжила догадка. На его лице промелькнуло подобие улыбки.

– Разрешите уточнить, с Папой – отношения официальные инспекторские?

– Браво, Александр Стальевич! Горжусь вами!

Глава 26

Волошин ответить не успел. Дверь в кабинет распахнулась.

Решительно вошел президент. Невысокого роста, спортивного сложения, совсем не президентской внешности, с какой-то мальчишеской, чуть кособокой походкой. Он не произвел на меня впечатления вершителя судеб.

Охрана осталась в коридоре, и в кабинете мы были втроем.

Президент подошел ко мне и протянул руку. Я встал. Оказалось, он ростом пониже меня.

– Здравствуйте, Владимир Рудольфович.

– Добрый день, Владимир Владимирович.

Рукопожатие плотное, но не сильное. Президент посмотрел мне в глаза, будто пытался определить, смогу ли я выдержать его взгляд. Я не понял, в чем проблема. Взгляд как взгляд, только глаза прозрачного голубого цвета. А мой взгляд потяжелее будет. Все-таки это я, а не он на стрелы начала 90-х в Москве ездил со всякими типами тереть. Не всегда я был журналистом, что уж тут поделать...

Наигравшись в гляделки, президент перешел к делу.

– Владимир Рудольфович, вы уверены, что господин Давид – Бог?

– Да.

– Вы понимаете абсурдность такого утверждения?

– Я не рассматриваю это с таких позиций.

– Незадолго до вас от меня вышел Патриарх. Он был против нашей встречи, считая вас в лучшем случае блаженным, а в худшем – проходимцем.

– Ну что же, по крайней мере он не причислил меня к антихристовому воинству, что внушает оптимизм.

– Я ставил этот вопрос. По мнению Патриарха, в силу вашего семитского происхождения и атеистического мироощущения вы не подходите на роль антиапостола. Антихрист со своей свитой должны прийти из лона Церкви, если верить святым старцам.

Вот бы Патриарха познакомить с Енохом, деда бы схлестнулись не на шутку. Только боюсь, выстоять у нашего попа шансов ноль. Языками в нужном объеме не владеет, да и в Ветхом Завете про него нет ни строчки, а про таксиста – главы. Почему-то я испытал радость за своего грозного обличителя.

– Исходя из этого, позвольте спросить, не слишком ли велика честь для самозванца – встреча с президентом?

– Не слишком. Я читал донесения нашего агента в Ватикане о вашей встрече и пришел к выводу, что либо он выжил из ума, либо – есть многое на свете, друг Горацио...

– Впечатляет. Я думал, вам ближе немецкая классика.

– Я помню этого агента еще по совместной работе – крепкий профессионал, а вот с Патриархом не служил. – Прези-

дент улыбнулся, и в его глазах блеснула чертовщинка. — Так что, коллега, хорошо было бы просчитать все варианты...

— Разумно, хотя и краткосрочно. Второе пришествие автоматически снимает вопрос о проведении любых выборов, в том числе и президентских.

— Видите ли, Владимир Рудольфович, наше общее советское прошлое убедило меня в том, что переходные периоды имеют тенденцию затягиваться.

— Согласен, особенно если принять концепцию перманентного пришествия антихриста, которое вместо положенных трех с половиной лет уже длится почти век. Позволю себе задать вопрос, чем могу помочь я?

— У меня пока нет ответа. Знаете, я ведь не могу выйти в прямой эфир и сказать народу, что в связи с концом света пенсии и зарплаты выплачиваться не будут и что поэтому же не надо решать проблемы отопления и прочей бытовухи. Да и не удивить этим наше население — то, как живут многие, заставит их радоваться Страшному суду как концу мучений.

— У меня нет ответа на эти вопросы.

— Понимаю. Но у господина Давида должны быть. Если он посчитает нужным, он вам даст на них ответ. — У президента опять проскочило что-то наподобие улыбки. — Но есть еще тонкость... Насколько я помню, одна из задач апостолов — судить народы. Это тонкий момент, критерии оценок разнятся, да и важен вопрос очереди. Так сказать, что лучше, пораньше или попозже, начнем с почивших или с того, кто

и нынче здравствует... Да и география... В каких условиях участникам ожидать своего черед? Представьте себе толпы скелетов, марширующих в направлении сборного пункта. Страшный суд Страшным судом, а беспорядков будет столько, что и в жутком сне не привидится...

– Владимир Владимирович, так вы хотите стать апостолом?

Президент тяжело вздохнул. Я продолжил:

– Боюсь, что это не совсем в моей компетенции, все-таки мы имеем дело не с демократией, и тонкие заходы не работают. Я не очень могу представить сложноподчиненную бюрократическую структуру, осуществляющую предварительное рассмотрение дел всех сущих на Земле. Если принять вашу логику, то ближайшие пару сотен лет государственные аппараты Вселенной только и будут заниматься тем, что готовить дела. Я как-то себе не очень представляю Даниила утверждающим бюрократические формы отчетности. Думаю, если бы задача формулировалась так, то апостольское звание доставалось бы победившему на выборах вместе с прочими атрибутами президентской власти. Однако все обстоит совсем иначе. Надо быть призванным Даниилом на служение. И если это случится, то я буду счастлив назвать вас братом. Но если вы не призваны, то апостолом уж никак не стать.

– Да, коллега, наверное, я должен буду с вами согласиться. – Президент замолчал и посмотрел на Волошина. Тот раскрыл рот, но Путин остановил его движением руки. – Влади-

мир Рудольфович, давайте подойдем к задаче с другого конца. – Эта фраза мне ужасно напомнила манеру выражаться Волошина, интересно, кто от кого ее перенял? – Мы, конечно, не пытаемся вас вербовать. Но на некоторую протекцию рассчитывать хотелось бы. Все же Москва – Третий Рим... Мы со своей стороны готовы оказывать всемерное содействие вашей миссии, однако хотелось бы встретиться непосредственно с Даниилом, как вы его называете. Россия почла бы за честь принять у себя такого гостя.

– Я сообщу Даниилу.

– Это еще далеко не все. Я понимаю, сколь нележки его и ваша миссии. Думаю, не обойтись без саммита «восьмерки». И придется провести ряд консультаций с нашими друзьями в арабском мире, Индии и Китае. И учтите, памятуя судьбу Христа, с властью лучше дружить. Время, сами знаете, беспокойное, исламским фундаменталистам вряд ли придется по душе господин Давид.

– Владимир Владимирович, а почему вдруг такое участие и готовность помочь? Я ведь даже ничего из набора святых фокусов не делал?

– Ну почему же? Вот, например, Александра Стальевича в таком состоянии я не видел никогда... Скажу прямо, не знаю, Владимир Рудольфович. Должно быть, это интуитивное решение, а может, и понимание того, что Россию способно спасти только чудо. Ну что же, полагаю, у вас есть дела в Москве. Если что надумаете, позвоните по этому номе-

ру. – Президент протянул визитку, на которой ничего не было, кроме номера телефона: +70956660666.

– Номерок, прямо скажем, не без намека...

– Зато легко запоминается. Удачи, Владимир Рудольфович!

Президент вышел, и мы остались вдвоем с Волошиным.

– Вас довезут куда укажете. Просьбы, пожелания?..

Я поймал себя на мысли, что фотография с президентом была бы очень кстати. Да и с Папой было бы не лишним сняться, как-никак его уже не воротишь... Маме было бы приятно и детям, вот, мол, какой у них отец.

– Милейший Александр Стальевич, – Волошина передернуло, – а жаль, что я с президентом не сфотографировался, да и с Папой тоже...

– Фотографию с президентом мы вам доставим попозже. А вот с Папой получилась не очень хорошего качества. Все-таки оперативная съемка, да и темновато там было поначалу... Вас куда доставить?

– Да не надо. Пойду прогуляюсь по ГУМу, подышу воздухом, соскучился.

– Воля ваша.

Я слышал, как в голове у Волошина в бешеном хороводе скакали обрывки мыслей. «Руку ему поцеловать и благословения попросить?.. Позвонить Роме?.. Что теперь с нами будет?.. А я ему грубил... Может, убрать его... Ой, не дай бог,

услышит... А с Сурковым он уже встречался?.. Могут переиграть, назначат апостола из своих – и нас на Соловки!...»

– Простите, сам дороги не найду, проводят?

– Конечно, конечно. И оплатите ваш сотовый.

Глава 27

Ступив на брусчатку Красной площади, я поднял руки вверх и потянулся до хруста в костях.

Красота! Небо высокое, прозрачное, воздух пронзительный, бодрит. После кремлевских мечтателей хотелось встряхнуться и просто потрещать с кем-нибудь на родном языке.

С ужасом подумал, что вечность не сидел с друзьями за бутылочкой вина и не флиртовал с дамочками. Какое упущение! Ближе надо быть к народу, товарищ апостол, а то ведь так совсем потеряете связь с населением. Все цари да попы...

А как же падшие женщины? Они что, не люди? В первоисточнике их в окружении было немало, а теперь где все? Нельзя отрываться от корней.

Кстати, о корнях. Неплохо бы было поесть, а то на кремлевском чае далеко не уедешь.

Пройдя через Красную площадь, зашел в ГУМ. Конечно, в мое любимое «Боско-Кафе» можно было войти и с улицы, но хотелось прошвырнуться по магазинам и сменить наряд от Билла на что-нибудь чуть более современное, чем среднеамериканская классика.

Обедать одному – пошлость. Надо позвонить друзьям, сказать, что я в городе. Друзья у меня есть. В последнее вре-

мя я не много о них думал.

Стоп. Ладно, я не позвонил, а почему они мне не звонили? Ведь телефон за все это время, начиная с Детройта, не зазвонил ни разу. Ни единого разочка. Никто даже номером не ошибся. Я срываю все планы выхода в радио- и телеэфир, не сдаю статей, не раздаю долгов, не делаю новых – и никакой реакции, совсем.

Что-то здесь нечисто. Да и последние слова Волошина... Может, это вовсе и не проходная фраза? Может, это прямое указание на существующую проблему?

Я достал из кармана сотовый телефон и увидел, что на нем светится до боли знакомая надпись: «Только экстренные звонки». Ну не идиот ли апостольский, ну не болван ли!.. Как такому поручать судить народы, если он не способен вовремя позаботиться даже о счетах. Операторам сотовой связи спасение ни к чему, им все равно гореть в геенне огненной... А сам-то хорош – не слуга и опора, а олух царя небесного...

Офисы «пчелки» давно разбросаны по всей Москве и собирают нектар с жителей России в пользу своих многонациональных хозяев – заходи и расставайся с деньгами.

Можно было бы вздуть руки к сияющим вершинам и пробормотать нечто невнятное, глядя в небеса, и счет Божественным провидением пополнился бы. Но хотелось человеческого общения.

С открытым сердцем, полным желания сорить деньгами,

я вступил в синюшный улей. Но, посмотрев на тяжелые лица продавщиц, скрывающих свое ремесло за трескучими титулами менеджеров, пожалел о принятом решении.

Вспомнив о тяжелой судьбе апостольских предшественников, на вдохе набравшись терпения и любви к людям, я обратился к барышне за кассой:

– Здравствуйте!

Ледящий душу взгляд медленно пополз от брючного ремня вверх, и я чувствовал, как легкий треск костенеющей плоти отзывается во мне подвигом генерала Карбышева.

– Ой, Владимир, вы так изменились, я вас сразу и не узнала! Какая честь, что вы к нам зашли! Чем могу помочь?

Об остальном можно и не рассказывать. Типичный рекламный ролик с чашечкой кофе, раздачей автографов, легким флиртом и быстрой оплатой просроченных счетов.

Приятно быть мной – любовь народа чер-р-р-р-р-р-р-р-р-р-р-товски сладкая штука... Так-так... Опять... С упоминанием прямых конкурентов надо быть все-таки поосторожнее.

Начало общению с грешным миром положено.

Вооруженный до зубов связью, я решил опереться по московской моде и отдал себя в лапы продавцов мужского салона. С моим доапостольским размерчиком закупаться было просто – достаточно попросить продавца принести все, что есть шестьдесят четвертого размера, и наслаждаться при-

меркой пары вещичек. А теперь можно и повыпендриваться. Продавец попался с потерянной сексуальной ориентацией. А может, как русалочка, обменявшая голос на пару стройных ножек (не надо вспоминать Пушкина – «Только вряд найдете вы в России целой три пары стройных женских ног»), этот раб моды отдал маскулинность в обмен на безупречный вкус, кто знает. На примерке я с удовольствием ощутил всю радость похудания. Есть прелести и в нашем деле, хе-хе, теперь-то я помодничаю. Прочь билловские тряпочки – Москва прислушивается к воркованию итальянских мастеров.

Вот он я, весь небесно (во всем многообразии смыслов) элегантный, в кашемировом пальто, костюме тонкой шерсти в модную полоску и вызывающе яркой рубаше, готов открывать двери спален вытянутым мысом стильного ботинка. Ма-чо в городе.

Кстати, пора договариваться о приятном времяпрепровождении.

– Здорово, Санек.

– О, какие люди, сам Владимир Рудольфович! Сколько лет, сколько зим – куда запропастился?

– Увидимся, расскажу. Ты уже обедал?

– Нет.

– Буду в «Боско», подруливай и возьми с собой каких-нибудь подружек. А то я уже забыл, чем мальчишки отличаются от девочек.

– Не обещаю, но подумаю. Может, кто из подружек жены?.. Они как раз в городе шляются... Все, сейчас своей позвоню. В «Боско» буду через час-полтора.

– Жду.

Глава 28

В прекрасном настроении я вышел из магазина, попросив служащих утилизировать остатки американского гостеприимства, и отправился ждать вечерних развлечений.

Спустя пару минут я сидел за столиком «Боско-Кафе» и разглядывал праздношатающуюся толпу на Красной площади.

Заказав капучино и фирменный фреш, я не смог сконцентрироваться ни на хорошеньких модельках, постреливающих на меня глазами из-за соседнего столика, ни на шапочных знакомых, приветливо выражающих узнавание и восхищение резким преображением.

– Волков? Монтеньяк? Промывание? Голодание?

– Отнюдь, чудо. Просто чудо. – Как всегда, правда воспринимается шуткой.

Телефон как прорвало – звонки с телевидения и радио. Уже все знают, что я в Москве и встречался с президентом. Все в курсе, что я выполняю особо важное задание и поэтому могу не беспокоиться, мои места останутся за мной и будут ждать с нетерпением... И бла-бла-бла...

Ах, мои милые наивные работодатели! О чем вы? Когда мое особо важное задание завершится, вы уже будете распределены по деяниям вашим по вечным квартирам. А я буду, попивая амброзию, тусоваться с Даниилом.

Стоп. Есть нарушение формальной логики. Если добро и свет воплощены в Данииле, то кто же зло и тьма? Рассуждения о Гитлере и иже с ним очевидны, но сейчас не годятся – они мертвы, а зло – нет. Так кто же его воплощает теперь? Террористы всех мастей? Не думаю. Они сеют страх и разрушение, но никак не обольщение. Даже на роли приспешников не тянут. Так, любители. Или, выражаясь языком партийных документов, – «и примкнувший к ним Шепилов». Примкнувшие, не более того.

Пойдем от противного. Кто противостоит Даниилу и Его апостолам (это я так о нас с Биллом), сразу и не скажешь. Сумасшедший Енох? Его никак не назовешь злом. Зануда, но не враг человечества. Волошин? При чем здесь Волошин? Неточно формулирую – не «при чем», а «зачем». Зачем он здесь?

Фрагменты мыслей собрать в единую картину бытия не удалось. Отложим до следующего раза легио для апостолов.

Александр Стальевич шел мимо Мавзолея по направлению к кафе. За ним следовала охрана в черных костюмах, уместных лишь на похоронах их владельцев, из ушей свисали проводки, обеспечивая связь гуманоидов с базой. На невыразительных рыхлых лицах застыла профессиональная тупость. Их походка напоминала гусиную развалку. Только вместо отвисшего брюха эти гусаки поддегивают оттягивающие брюки к коленям рацию и пистолет в доставшейся по

наследству кобуре. Со стороны они кажутся донжуанами с гипертрофированными рабочими органами, нуждающимися в ежесекундном внимании владельцев, а то прищемит толстыми ляжками все достояние к чертям собачьим. Что говорить – плохие танцоры, ну и очевидно, что им мешает.

Надеюсь, управимся до приезда Сашки с дамами. Не то кремлевские мечтатели испортят вечер.

– Владимир, – голос шел со спины, из глубины кафе.

Я обернулся и не смог сдержать улыбки, уж больно все начинало походить на дешевый водевиль. Передо мной стоял один из самых таинственных и влиятельных российских политиков, замглавы администрации. Сам господин Сурков. Интересно, они сговорились устроить здесь разборку на троих и оба следили за мной? Ой, боюсь, им не доставил радости мой вид в момент примерки новой одежды – у них и с ориентацией все нормально, да и я не красавец, если признаться.

– Присаживайтесь, одна из мыслей господина Волошина была о вас, что делало нашу встречу неизбежной.

– Занятно излагаете.

Приятной наружности интеллигентный парень моих лет, прекрасно сидящий строгий костюм, без всякого сомнения, сшитый на заказ в солнечной Италии за презренные североамериканские рубли, безупречно подобранная рубашка, расцветка галстука слишком строгая, чтобы быть изящной. Положение обязывает, как-никак левая рука президента, если

считать, что Волошин правая, а рук две. Говорит с легким акцентом, почти незаметным, видно, что родился и вырос не в Москве.

– Вы произвели фурор. Давно никто не видел А. С. таким встревоженным.

– А таким простым вы его часто видели?

– Что вы имеете в виду?

– Ну вот так, по-свойски пересекающим Красную площадь. Вот он, яркий пример публичного одиночества: государев муж погружен в мысли о чадах, кои получают зуботычины от охраны вельможного, дабы не отвлекали его от высоких дум о благе тех самых чад неразумных...

– Достаточно. Понял. Я хожу без охраны, но Волошину нельзя. Сами видите, если бы не няньки с рациями, его бы толпа замяла расспросами и просьбами. Не скрою, его визит не входил в мои планы. Наши концепции развития государства несколько различаются, хотя мы и работаем в единой команде. – Легкая улыбка придала иронический оттенок сказанному.

Вот это высший класс – на прослушке все выглядит замечательно, а истинный смысл сказанного можно постичь, только наблюдая за мимическими оттенками. Настоящий подковерный борец!

– Его появление здесь для вас неприятный сюрприз...

– Ну что вы... Общение с непосредственным руководителем всегда праздник... – Это даже не ухмылка. Тонкие губы,

словно прочерченные горским кинжалом, ломаются молниевым всполохом и возвращаются к привычной сочувственной полуулыбке. – Хотя иногда мечтаешь о буднях...

Волошин приблизился ко входу в кафе, и Сурков поднялся, обозначая свое присутствие. Лица обоих оставались лишенными эмоций, а погружаться в пульсацию отрывочных мыслей мне не хотелось.

Я произнес:

– Присаживайтесь. Не могу сказать, что несказанно рад вас видеть, ибо о братской любви речь не идет, а свидание вы мне, очевидно, подпортите... Так что, ГМ – это я вас так сокращаю, то есть государственные мужи, – давайте к делу.

– Не увлекайтесь, Владимир Рудольфович. Конечно, Слава – мощный союзник, но не стоит недооценивать и старые кадры.

Я ждал ответной реакции от Славы. Но он всего лишь улыбался, тем самым выигрывая время и усиливая свои позиции.

– А то что случится? Меня постигнет участь многих ваших политических противников? Или у вас настолько плохо с чувством юмора, что вы начнете мне угрожать?

Я почувствовал, как закипает глубинная ненависть к этому человечку: «Вот этих двух уродцев для чего привели?»

В голове зазвенела натянутая тетива беспокойства. Я по-

чувствовал, как мир раздваивается и как я отделяюсь от своего тела, одетого по последней моде, поднимаюсь метра на три над полом и вижу все происходящее иным, не мирским зрением. Я ощущаю плотную ткань бытия, в которой барахтаются статисты времени.

Подо мной моя телесная оболочка продолжает беседу с кремлевскими деятелями, отмечая, что Слава слукавил и пришел не один. К происходящему прислушиваются трое посетителей. Причем двое незнакомы с третьим, хотя и выполняют одну задачу – опекают господина Суркова. Вот двое из них за три столика от нас, руки в позиции, предельно близкой к манящему оружию, на столе только чай. Надо отдать должное вкусу их хозяина, одеты попримечнее кремлевских держиморд. Третий занял идеальное место напротив нас – молодой высокий блондин с чуть нервическим лицом и совсем не уставным оружием, изящно спрятанным в складках ниспадающей замшевой куртки. Его выдают глаза, контрастирующие с непринужденной обстановкой кафе.

Где-то еще дальше я чувствую растущий комок тревожного напряжения, заполняющий все мое существо. Я устремляюсь своей эфирной субстанцией по силовым линиям поля тревоги. Вижу молодую женщину в черном, идущую со стороны Исторического музея к «Боско-Кафе». У нее в руках сумка. Ясно вижу, что в сумке взрывчатое вещество, примитивный запал, смешные, если не сказать трогательные, проводочки и несоразмерно маленькая пипочка, при нажатии на

которую все клеточки тетечки разлетятся в сопровождении металлических шариков, щедро насыпанных в то же СБУ.

В голове женщины роятся обрывки молитвы на арабском: «Господь всемогущий, не оставь меня в минуту испытания...»

А вокруг толпа граждан, не ведающих, что через пару мгновений они превратятся в безликие жертвы террористического акта.

Даму замечают молоденькие милиционеры и направляют к ней. Их движение отзывается в гуляющей публике роковым волнения. Волна тревоги заставляет террористку бежать в направлении кафе.

Обладатели мертвецких костюмов кремлевской охраны замечают движение женщины в сторону охраняемого объекта, и стоящий чуть дальше от нас офицер бросается ей наперерез с поднятыми руками. Один из бойцов Суркова выхватывает пистолет и летит через столики в направлении Славы, пытаясь закрыть его своим телом. Волошин инстинктивно откидывается назад и падает со стулом на пол, что воспринимается его вторым телохранителем как официальное начало военных действий. «Макаров» телохранителя тут же оказывается нацелен на летящего в прыжке коллегу. Блондин вскакивает на ноги, в его руках появляется «узи», уже извергающий первый плевок горячего металла в сторону волошинских ребят.

Я понимаю, что мне это надоело. Очень-очень надоело.

И я уже не просто зол, а нет слов как зол. Это что, Голливуд, кино про долбанных ковбоев? Нет, ну подумайте, мне человечество спасать, а эти недоумки сейчас ухлопают элиту российской политики с апостолом в придачу. И отметьте, с первым апостолом – гражданином России. Это вам не хухры-мухры... Да еще новоявленная Вера Засулич хренова со своим взрывоопасным танцем живота превратит всех нас в трудноопознаваемые останки...

Нет сил терпеть балаган! Несерьезно! Именно несерьезно! Когда терроризм приводил к намеченным политическим целям? Позвольте спросить, где в Священном Писании вы нашли подтверждение этих архиреакционных мыслишек? Незаметно для себя я перешел на ленинскую манеру говорить. Вот так-то, милочка, уготована вам прямая дорога в ад, в геенну, понимаете ли, огненную. Ну и гореть вам там синим пламенем, а вовсе не зеленым, и не под знаменами Аллаха, и не в раю. Вот так-то...

Наберут несчастных дурех по объявлению, одурманят химией – и сколько потом невинных людей страдает! А все от вечного восхищения террором – что в литературе, что в истории. А ведь зло, чистейшей воды зло!

Не подумайте, что я стоял и рассуждал про себя. Монолог мой звучал так громко, что был слышен и в Кремлевском дворце. Слушателей набралось немало. Чтобы достичь всеобщего внимания, мне оказалось достаточным воздеть длани вверх. Все вокруг застыли, как в детской игре. Мне даже

не пришлось говорить: «Море волнуется раз, море волнуется два, море волнуется три – морская фигура, замри». В частности, и потому, что, может быть, «море» я бы и успел сказать, а вот остальное фольклорное наследие было бы заглушено стрельбой, переходящей в мощный взрыв. Так что извините, в следующий раз.

Монолог я произносил не стоя на месте, а активно двигаясь от фигуры к фигуре, собирая оружие, отделяя магазины и выбрасывая патроны из стволов и скидывая уже безопасные железяки под наш столик.

Подойдя к террористке, я вспомнил, что не имею ни малейшего представления о саперном деле, и решил не испытывать судьбу. Подумал о взрывателе и увидел, как он сам отдал опасные соединения, бессильно расцепив контакты, от чего провода повисли нестрашными усами стареющего маршала. Вот теперь можно, понял я и снял смертоносный пояс с женщины.

Я направился к висевшему в воздухе бойцу Суркова, оттянул его за ногу от стола, в проход, и вернулся к своему месту.

Особую пикантность происходящему придавал тот факт, что участники данного события – числом примерно в тысячу – не переставали слышать, чувствовать, дышать, думать о ближних своих и дальних, желать справить естественные надобности. Им, наверное, стало очень страшно оттого, что

они оказались лишены возможности двигаться. В такие моменты невыносимо свербит в носу и нижнее белье требует немедленного восстановления в границах приличия, что обозначает прекращение выполнения им функции демаркационной линии между ягодицами.

Мучение продолжалось недолго. Сгрузив арсенал под стол и переместив супермена, я хлопнул ладонями по скатерти и сказал:

– ПРОДОЛЖАЕМ!

И вмиг все ожило – граждане бросились доживать суматошный день. Охранники дотянулись до несчастной террористки, внезапно ощутившей себя обманутой, а супермен с мощным звуком рухнул между столиками. Блондин поспешил сесть на место, а телохранитель Волошина помог Александру Стальевичу подняться с пола.

Бешенство не покидало меня. Поэтому, холодно посмотрев на участников разыгравшегося действия, я тихо, но твердо спросил:

– Что вам угодно, господа? Прошу быть краткими, ибо остатки моего терпения описываются безмерно малыми величинами.

– Владимир Рудольфович, что это было? – подал голос Волошин.

– Наглядный пример нелинейности происходящего и существования Даниила.

– Но ведь должны быть какие-то разумные объяснения?

– Они есть, но вне материалистического взгляда на жизнь.

– Саша, прекрати, – вступил в разговор Сурков. – Владимир, как вы, должно быть, догадываетесь, президент – это наше всё. Точнее, почти всё. Но президент – не только личность. Это в первую очередь институт, могучая организация, средоточие разнообразных устремлений очень важных индивидуумов, которые и складываются в некий единый вектор развития страны...

– Слава, сил нет слушать... Говори ясно... – перебил Волошин. – Надо учесть интересы олигархов. Деньги мы вам предлагать не станем. Это совершенно бессмысленно, имея в виду ваше нынешнее положение. Так что просто скажите, что надо сделать, и мы сделаем.

– Спасибо на том, что не просите включить ваших спонсоров...

– Акционеров, точнее...

– ...точнее, грабителей и прихватизаторов – в ряды апостолов, а то я прямо вижу корочки удостоверений апостола, почетного апостола, помощника апостола, у каждого секретариат, водители, телохранители, советники... Кстати, что это за Вера Засулич с поясом смертника и зачем она здесь?

– Сейчас узнаем.

Волошин отошел от нас к группке охранников, проводящих первый допрос несостоявшейся террористки.

Допрос шел лениво. Было видно, что ждали «воронка» с подкреплением, которое забрало бы женщину в следственный изолятор.

Тем временем Слава сделал жест, и к той же группке присоединился блондин, ставший оживленно беседовать с нашей Засулич. Порой они переходили на крик. Накричавшись, блондин по пути на свой пост остановился возле Славы и на ухо нашептал все, что смог вывести.

Через пару минут к нам присоединился Александр Стальевич.

– Итак, господин Волошин...

– Чеченская вдова, семья погибла, жизни нет, все говорят, отомсти русским, отомсти, вот и пошла мстить.

– Ну а зачем здесь и сейчас? Не верю в совпадения.

– Правильно делаете, что не верите, – заметил Сурков. – Мой человек побеседовал с ней. Несколько любопытных деталей. Так, взрыв был нужен именно сегодня и именно на Красной площади. В этом нет ничего необычного. Но известно это стало лишь сегодня пару часов назад, что совпадает со временем вашей аудиенции у президента. Конечно, хорошо подготовиться не представлялось возможным...

Теперь давайте порассуждаем, кому и зачем это нужно. Покушение на нас с Александром Стальевичем отбрасываем сразу – слишком маловероятно предположить, что мы вдвоем окажемся здесь. И вы не планировали заранее поход в это кафе. Значит, дело не в нас с вами. Террористка бросилась в

кафе инстинктивно, как к ближайшему укрытию, но задача была поставлена предельно точно географически.

Ответ на поверхности. Кому-то необходимо заглушить информационное пространство. А что важного у нас сегодня произошло? Ваша встреча с президентом, последовавшая за вашей аудиенцией у Папы Римского. Не хочу демонизировать наших оппонентов, еще столь недавно бывших акционерами... Не правда ли, Александр Стальевич?

На лице Суркова появилась улыбка, а Волошин недовольно поджал губы. Но похоже, что их источники как при папском дворе, так и за Кремлевской стеной потрудились на славу. Один звонок в Лондон опальному олигарху, такому Троцкому в изгнании, встречный звонок его чеченским друзьям, поддержанный денежным переводом, и бедная глупышка с поясом отправилась в последний поход. Зачем же это понадобилось лондонскому воителю Березовскому? Видно, испугался, что президент станет апостолом или получит признание Даниила. А это означало бы, что позиция проиграна. Можно бороться с людьми, но с Богом... Это даже эгоизму Березовского не под силу.

Получается, взрыв адресовался Даниилу как предупреждение. Если угодно – как падение звезды указывало на рождение Спасителя, так и взрыв должен был указать на невозможность контакта с президентом. Довольно примитивно.

– Кстати, Александр Стальевич, как вы думаете, кто мог

сообщить Березовскому о встрече Владимира с президентом?

– Слава, на что ты намекаешь?

Тут вмешался я:

– Брек! Давайте по порядку. Внутренняя политика России меня как гражданина очень волнует. В качестве апостола могу дать абсолютно точный ответ со ссылкой на первоисточник, как себя вести в дальнейшем – и вашим акционерам, и институту президентства в целом. Не хочу никого расстраивать, но у Даниила нет Божественной нефтяной компании, заинтересованной в слиянии с российским гигантом. Насколько мне известно, ни один из райских футбольных клубов не продается, так что и Мише, и Роме советую обратиться к первоисточнику. Извините, что цитирую по памяти: «И вот некто, подойдя, сказал Ему: Учитель благий, что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?» Опустим лирику и перейдем к ответу... «Не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй, почитай отца и мать и люби ближнего твоего, как самого себя...»

Понимаю грусть в ваших глазах. Количество кандидатов тает на глазах. Ну и, чтобы окончательно развеять ваши иллюзии, хотя уверен, что не открываю Америку, продолжу цитирование: «Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за мною». Доставлю вам некоторую историческую радость – и новоза-

ветный олигарх не смог последовать совету. Так что рецепт есть, но я не верю в возможность его применения...

– Владимир, для чистоты спора согласитесь, что после распятия Иисуса жизнь богатого предпринимателя, задавшего вопрос, не изменилась.

– Бинго! Пять баллов! В яблочко! Уели. Сдаюсь. Я не имею ни малейшего представления о сценарии проведения Страшного суда. Даже не знаю, как много времени он займет, будет ли теле- и радиотрансляция для ожидающих своей очереди, да и будет ли очередь, а если да, то как в ней разместятся все жившие на Земле и будут ли разбиты по родам и срокам смерти, а если да, то что будет с детьми от смешанных браков... Не знаю, можно ли уступить свое место в очереди и есть ли привилегии для героев соцтруда. Не имею представления о том, в каком виде станут дожидаться приговора сгоревшие и истлевшие в прах. Будут они выглядеть, как в свои лучшие годы, одеты в выходные платья, или вся очередь будет нага. Не знаю.

Зато знаю другое, господа: мне сообщат, точно сообщат, и я приму в действе непосредственное участие, и суд состоится, и часы уже пошли отсчитывать время до первого удара судейского молотка.

Так что пока не поздно, не откажите себе в удовольствии изменить вашу участь. А говоря о вопрошавшем Христа... Даже если он прожил сто лет в окружении самых красивых барышень своего времени, наслаждаясь самыми изысканны-

ми яствами Земли обетованной, то он заплатил за это и продолжает платить две тысячи лет. И не случайно пророчествовал святой Серафим Саровский: «Миг в раю стоит всех мучений на земле». Заметьте, никто не говорил, что мгновение в аду – невеликая расплата за земные радости. Думайте сами. А теперь говоря о деле...

Вдруг в моей голове вызрел четкий план.

– Нам нужна прямая трансляция по всем каналам некоего события – время и место вам будут указаны позднее. Нужна поддержка Даниила всеми значимыми конфессиями России, за это и Патриарх, и прочие религиозные лидеры смогут с Ним встретиться для беседы; официальное признание Россией Даниила Спасителем. Очевидно, что Даниил прибудет в Россию, она же Его Родина. Да-да, господа, – не Третий Рим, а второй Израиль, что, поверьте на слово, гораздо важнее в этой ситуации. Таким образом, Путин, благословленный Даниилом, становится Божьим помазанником. И у коммунистов не будет никаких шансов на контригру. Богу останется Богово, а кесарю кесарево. Вплоть до времени «Ч», когда уже все договоренности истекут в связи с окончанием всемирной истории в ее привычном понимании.

Позволю себе заметить, что текст Конституции, как и деяния олигархов, рекомендую причесать в соответствии с Нагорной проповедью. Текст, я надеюсь, у вас есть. На сегодня все. Я от вас устал страшно, даже не успел заказать поесть... К тому же вон мои друзья, которых я ждал, в отли-

чие от некоторых, уверенных, что их обществу всегда рады. Не смею вас задерживать. И, Слава, убери своих охранников от моей апостольской задницы, как ты только что подумал о моей аккуратной, хотя и не маленькой пятой точке.

Обозначая окончание беседы, я встал, надменно кивнул и пошел к столику, за которым сидел мой закадычный приятель в милейшем окружении.

Глава 29

Сашка появился в кафе минут пять назад и растерянно вертел головой. Он был не один, а в компании двух барышень. Одну из них я знал, как-никак жена лучшего друга, а вот со второй встречаться раньше не приходилось.

Со всей прямоотой могу сказать, что она хороша, стройна, белокура, волосы до плеч, глаза – серо-голубые цветочки, манят. Словом, русалка.

Кажется, я погибну в пучине сладострастья. Туда мне и дорога. Что там старикашка Мюнстер навывдумывал, не согрешишь – не покаешься, сиречь не спасешься?..

– Санек!

– Володь, ты? Вот это да! Ну ты и изменился! Как ты так похудел? Загорел, костюмчик модный, выглядишь замечательно... А люди, что там сидели, это те, о ком я думаю?

– Не тараторь, сначала представь меня богине и дай поцеловать твою половину.

– Целуйся, целуйся! А это Эльга, подруга моей Яны.

Как же еще могут звать пару к апостолу, небольшая поправка на Россию как место действия и краткий экскурс в историю. Русь крестил Василий, до крещения Владимир, по любви к христианству, привнесенному Эльгой.

Я смотрю в глаза красавицы не отрываясь и встречаю спо-

койный сильный взгляд.

– Приятно! Какое хорошее лицо...

– Я именно об этом сейчас и подумала, глядя на вас. По телевизору вы совсем другой.

– Ты. Называй меня на «ты».

– Там – ты жесткий.

– Правила игры. Чем ты занимаешься в жизни?

– Искала тебя, а теперь нашла. А в промежутках учусь на психолога.

– Теперь тебе не понадобится искать пациентов – главный уже у твоих ног. Сашка, возвращаясь к твоему вопросу... Да, это они.

– Здорово, растете на глазах, Владимир Рудольфович, отрываетесь от коллектива.

– Не дождешься. Так есть хочу, не могу... По-моему, последний раз ел мясо в Италии, что было недавно, но далеко-вато. Официант!

Прискакал молоденький мальчишечка, в отличие от Сашки и его спутниц видевший незабываемую сцену со стоп-кадром в стиле голливудских боевиков и смотрящий теперь на меня, как на Бога. Что я мог сказать ему: «Рыбин и хлеба! И я накормлю все заведение»? Вряд ли посетители удовлетворились бы столь скудным меню.

– Давай-ка, брат, тащи из закромов Родины меню два раза и компот. А точнее, скажи повару, что я пришел с друзьями, что мы соскучились по правильной еде. Пусть расстарается,

чертяка (упс... с языка слетело)! Только не забудь, Яна вегетарианка, мы с Сашком по баранинке, а Эльге креветок. И пулей! Но учти, я ни на что не намекаю.

Какая радость оказаться в компании с друзьями, они и не знают, что я в некотором роде уже и не я. То есть, конечно, я – это я, но вот только качество этого «я» совсем другое.

Приятно поглощать салатик и слушать журчание речи, не засоренной фамилиями знаковых политических персонажей, анализом интриг и пожеланиями влиться в братскую апостольскую семью.

– А чем вы сейчас занимаетесь?

– Ты. Мы договорились.

– Хорошо, чем ты сейчас занимаешься?

– Не знаю, как ответить. Позволь поинтересоваться, почему ты спрашиваешь?

– Чувствую, что ты существуешь в нескольких измерениях сразу. Ты как будто и не с нами вовсе, и внимателен, но как будто тебя снимает камера и кто-то еще должен поверить происходящему.

– Эльга, ты права. И я даже знаю, кто этот «кто-то еще», но боюсь тебе сказать.

– Почему?

– Причин много. Во-первых, я влюбился прямо сейчас и ежесекундно погружаюсь в чувство, как в зыбучий песок.

Во-вторых, я в смятении. Оно вызвано тем, с кем ты не знакома. Могу успокоить – он не женщина, а я не гей, что в данном случае не упрощает ситуации. Мне хочется похитить тебя, сжать в объятиях и не отпускать никогда. Прорасти тобой и просыпаться каждое утро с твоим именем на устах и засыпать каждый вечер в твоих объятиях. Это чувство я не могу назвать ни здоровым, ни цивилизованным, так как оно возникло на первом часе знакомства, и не могу его списать ни на долгое воздержание, ни на какую-нибудь еще традиционную пошлость.

– А зачем списывать? Глубокие чувства столь редки в глянцевой реальности, что за них надо хвататься, как за единственное, ради чего стоит жить. Я думаю, глядя на тебя, что я – спящая царевна, что вот он – принц. И уже дыхание его уст волнует предвкушением просыпания в поцелуе, а он все никак не решится. А я еще сплю, и не могу взять инициативу в свои царские ручки, и улыбнуться не могу, и все во мне зовет его... А он, погруженный в свои переживания, не решается на действие, продолжая самокопание. Взять бы Фрейда – и на Соловки, вместе с Кантом!

– Эльга, приятно, что в детстве мы ходили в один детский садик, хотя в разное время. После такого монолога у меня не остается выбора, и я должен пригласить тебя на чашечку утреннего чая в свою берлогу.

– Предложение принято. Когда отправляемся?

– Помою руки и буду готов к марш-броску.

Я забыл, что мы были не одни. Нет, наверное, я перебрался репликами с Сашей и Яной, но они пролетали по самому верху сознания. Не вспомню даже, о чем болтали.

Я не мог оторваться от Эльги. Она завораживала меня, как Ева Адама. Но у того, глиняного, и выбора не было, а у меня был. И это лишь оттеняло глубину вспыхнувшей страсти. Возникшее чувство – не звериная страсть. Просто смысл бытия сосредоточился в ней, все, ради чего стоило жить, скрывалось под ее одеждой, ничто не могло быть желанней ее плоти.

Одумайся. Прогуляйся до места уединения маленьких мальчиков.

Прогулялся.

Горячка. Нервный срыв. Еще две минуты – и ты будешь рыдать, стоя на коленях, прося ее руки. И не надо говорить, что именно ее ты искал всю жизнь и что никто и никогда не был столь созвучен трагической мелодии, звучащей в твоём изувеченном любовью к человечеству сердце.

Если ты уже любишь ее вот так, ответь мне, то есть себе, на простой вопрос. Что ты сможешь дать ей? Постарайся обойтись без пошлостей, «роллс-ройсов», бриллиантов, себя во всех твоих гормональных ипостасях.

Что ты можешь дать ей? Детей, семейное счастье, буду-

щее? Может, думаешь, что насладишься воспитанием отпрысков? Агу-агу, идет коза рогатая за малыми ребятами, сорока-воровка кашу варила, ой, какие щечки, а ручки, а ножки, ну-ка, ну-ка, кого сейчас папа будет целовать – и давай умиляться перетяжкам на толстенных ручках...

Не дожدهшься, дружище.

Точка, приехали.

Второе пришествие. И ты Его апостол. Понятно тебе?

Умничать относительно судеб других – русская национальная забава. Что же ты себе ничего не посоветуешь?

Я включил кран, набрал ледящей холодной воды в пригоршню и медленно погрузил туда лицо. Казалось, что я весь вхожу в студеную воду в своих ладонях.

Затаил дыхание. Почувствовал, как холод стягивает мимические мышцы. Вот бы промерзнуть до самых глубин, загнать холодные щупальца сосулек внутрь, всем телом ощущая превращение в кристального рыцаря... Вот бы заморозить серое вещество в кубик морозильного льда... Чтобы ни одна мысль, ни единый намек на чувство не могли протаять полыней. Тогда апостольское служение было бы в радость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.